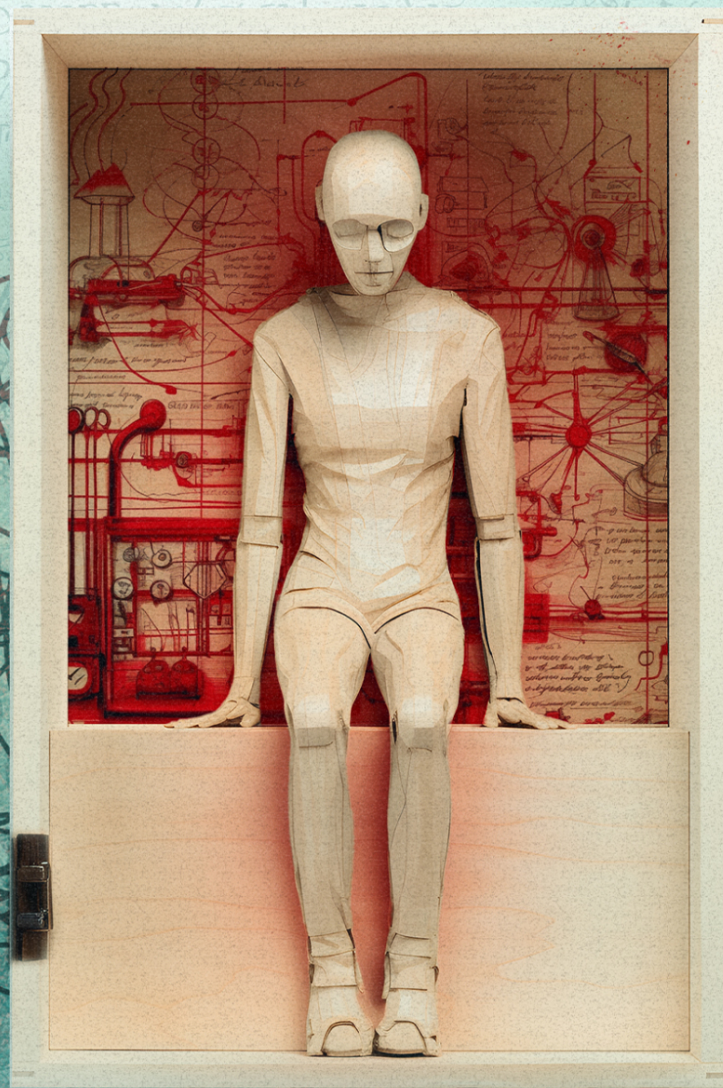

INSPIRIA

ЯЩИК ЛЭЙ МИ СКИННЕРА

18+

ЗДЕСЬ ПСИХОЛОГИЯ СТАНОВИТСЯ ИГРОЙ,
ИГРА – КВЕСТОМ,
А КВЕСТ – СМЕРТЬЮ...

INSPIRIA

Ток. Иямису-триллер о профайлерах и маньяках

Лэй Ми

Ящик Скиннера

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44

Ми Л.

Ящик Скиннера / Л. Ми — «Эксмо», 2012 — (Ток. Иямису-триллер о профайлерах и маньяках)

ISBN 978-5-04-188801-5

Профайлер. После окончания университета Фан Му поступает на службу в полицию. Теперь он – профайлер, распутывающий самые сложные преступления... Но однажды его чутье дает осечку. Убийца. Студент Люо Цзяхай задержан за убийство с особой жестокостью. Жертва – учительница, ради карьеры сломавшая жизнь его возлюбленной. Фан Му сочувствует преступнику и даже соглашается выступить в суде свидетелем защиты. Но вскоре подсудимый дерзко сбегает из изолятора. Более того, при этом друг и коллега Фан Му получает очень серьезные травмы – как физические, так и психологические. Психодрама. Чтобы помочь товарищу, профайлер соглашается на участие в психотерапевтических сеансах. Их цель: исцеление через повторное проживание травматического опыта. Но выясняется, что подобная терапия привлекает не только полицию. По городу прокатывается волна убийств, каждое из которых напоминает Фан Му кульминацию психодраматического сеанса. А через некоторое время на месте очередного убийства обнаруживается волос студента Люо Цзяхая...

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-188801-5

© Ми Л., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	48
Глава 8	52
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лэй Ми

Ящик Скиннера

*Случайностей не существует – все на этом свете либо испытание,
либо наказание, либо награда.*

Вольтер

Lei Mi
Skinner's Box

Copyright © 2012 by ## (Lei Mi). Russian translation rights authorized by Chongqing Publishing Group. The translation published by arrangement with China Educational Publications Import & Export Corporation Ltd. All Rights Reserved

Коллаж Юлии Девятовой

© Голыбина И.Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

День учителя

Город был укутан плотным послеполюденным смогом. Микроскопические пылинки плавали в воздухе, невидимые и все же осязаемые. По дорогам, резавшим мегаполис на ломти, медленно двигались вереницы машин, и казалось, что даже этот стальной поток угнетен городской духотой. В загрязненной, перенаселенной промышленной столице наступил час пик.

Капля из транспортной реки отделилась от общей массы, миновала эстакаду и быстро скатилась вниз. Пропетляла по паутине улочек и притормозила возле старого трехэтажного здания.

Дверь фургона, во весь борт которого красовалась надпись «Чанхон-ТВ: шоу “Мечты сбываются”», скользнула в сторону, и из нее выскочили несколько человек, сразу же развивших бурную деятельность.

Одна из них, привлекательная молоденькая девушка, пригладила руками волосы и спросила водителя:

– Мы точно приехали по адресу?

Тот ответил утвердительно, и она обернулась к продюсеру:

– На какое время ты договорился о встрече с учительницей Цин?

– На два часа. – Продюсер еще раз проверил листок с расписанием, который держал в руках. – Она сказала, ей надо навести дома порядок, так что, думаю, там все будет прибрано.

Девушка бросила короткий взгляд на часы.

– Хм... уже почти два. Что там с маленьким Люо? – Она огляделась по сторонам, потом подошла к кабине фургона и постучала в стекло с пассажирской стороны: – Эй, вылезайте! Чего вы там застряли?

Молодой мужчина с мрачным лицом, сидевший на месте пассажира, не сводил глаз с трехэтажного дома. Услышав, что девушка его зовет, он сделал глубокий вдох, взял с заднего сиденья букет желтых хризантем и вылез из кабины.

Девушка уже стояла у подъезда с микрофоном в руке и вполголоса проговаривала вступительный текст. Увидев, что Люо замер на тротуаре, она нетерпеливо махнула ему рукой, подзывая к себе. Как только продюсер дал сигнал к началу съемки, ее лицо озарилось профессиональной улыбкой.

– Дамы и господа, я – Гуан Ли, ведущая программы «Мечты сбываются». Мы стоим перед домом учительницы Цин, классной руководительницы господина Люо. Сейчас мы вместе с господином Люо навестим учительницу Цин, с которой он мечтал увидеться много лет. – Она сунула микрофон в лицо Люо: – Господин Люо, сегодня День учителя. Надеюсь, вы сейчас расскажете нам, почему вам так хотелось повидаться с вашей классной руководительницей в этот прекрасный праздник? Наверное, она каким-то образом изменила вашу судьбу?

Несколько секунд Люо таращился в камеру стеклянными глазами, после чего выдал из себя одно-единственное слово:

– Ага.

Гуан Ли, до глубины души оскорбленная таким равнодушием, умудрилась тем не менее сохранить улыбку на лице и задорно рассмеялась:

– Наверняка одноклассники господина Люо сейчас тоже в предвкушении! Представляю, как тяжело выразить словами свои чувства, когда буквально несколько мгновений отделяют тебя от встречи с наставницей, которую не видел столько лет... Так что я предлагаю всем нашим зрителям без промедления последовать за нами в гости к уважаемой учительнице Цин!

Стоило продюсеру воскликнуть «снято!», как улыбка на лице Гуан Ли померкла. Нахмурив брови, она накинулась на мужчину:

– Слушайте, Люо, ну что вы как каменный! Надо же показывать свои чувства, чтобы люди видели, как вы рады... Не нервничайте так, расслабьтесь немного!

Маленький Люо не отвечал. Он просто стоял на месте, держа в руках букет, и, не шевелясь, глядел на дом.

– И что за букет – хризантемы, да еще и желтые... – Гуан Ли скривила губы. – Ладно, все равно нет времени покупать другой. – Она помахала съёмочной группе: – Всё, ребята, поднимаемся!

Миновав мрачный узкий коридор третьего этажа, цепочка людей остановилась перед железной дверью по левой стене. Продюсер дал сигнал к началу съёмки, все приготовились заходить в квартиру. Гуан Ли, опять улыбаясь, занесла руку над кнопкой звонка, и оператор наставил на нее камеру.

– Кто там? – спросил старческий голос из-за двери.

– Мы с телевидения. Скажите, пожалуйста, здесь живет учительница Цин?

Дверь медленно приотворилась – за ней стояла худая сторбленная пожилая женщина. Улыбка ее казалась вымученной; она то и дело косилась на камеру.

– Пожалуйста-пожалуйста, входите, входите...

В старомодно обставленной квартирке было всего две комнаты. Повсюду царил безупречный порядок. Телевизионщики прошли в гостиную, и без того тесную; при таком обилии народа там стало не повернуться. Учительница Цин совсем растерялась при виде улыбающейся Гуан Ли и мигающих красных огоньков видеокамеры.

Журналистка взяла учительницу Цин под руку и слащавым голосом заговорила, глядя в объектив:

– Госпожа Цин, прежде всего, разрешите поздравить вас с Днем учителя! По случаю праздника мы приготовили вам особенный подарок... – Она указала пальцем на Люо. – Ваш ученик проделал большой путь, чтобы повидаться с вами сегодня.

Маленький Люо вышел вперед, все так же неловко держа букет перед собой. Он встал напротив учительницы Цин и молча оглядел ее с ног до головы.

Гуан Ли схватила Люо под локоть и подтолкнула к учительнице. Они же заранее договорились, что он должен крепко ее обнять!

Маленький Люо даже не посмотрел на ведущую; внезапно открыв рот, он задал вопрос:

– Вы учительница Цин Юмей?

– Да. А вы...

– Из школы, где учились дети рабочих с бумажного комбината?

– Все верно. Какого вы года выпуска?

Маленький Люо вздохнул с облегчением. И даже улыбнулся.

– Я вообще не учился у вас. Вы знали Шен Сянь?

Брови учительницы Цин едва заметно дрогнули, словно она пыталась воскресить какое-то давнее воспоминание.

– Шен Сянь... Шен Сянь... – Женщина широко распахнула глаза. – Вы... так вы...

Не отвечая, Маленький Люо выставил вперед свои цветы. Учительница Цин потянулась за ними, но, прежде чем ее пальцы коснулись стеблей, мужчина выхватил из-за букета нож.

А в следующий миг она ощутила, как холод пронзает ее живот.

Глава 1

Приют

Фан Му взял чек с банковского прилавка. В чеке было указано, что 800 юаней только что поступили на счет. Он мимоходом взглянул на цифры, а потом порвал чек на мелкие клочки и бросил их в мусорную корзину.

Выйдя из центральных дверей банка, посмотрел на часы. Почти три. Мгновение Фан Му поколебался, но потом решил не возвращаться в офис. Лучше покататься по округе, чем просиживать за столом и пить чай, пока не пробьет пять.

Уже усевшись в свой внедорожник, он сообразил, что понятия не имеет, чем занять внезапно освободившиеся два часа. Куда ему ехать? Фан Му положил руки на руль и уставился на небоскребы, непроницаемым лесом вздымавшиеся впереди. Их холодные резкие силуэты вырисовывались на фоне сероватого тумана; небо давило на землю, выжимая последние соки из изнывающего города.

Фан Му пришло на ум сравнение с фруктом – сладким, в яркой кожуре, но одновременно хрупким и нежным. Он стряхнул с себя внезапное наваждение и завел мотор.

Полчаса спустя юноша припарковался на коротенькой улице в пригороде, вылез из машины и пошел к огороженному дворику на углу.

Дворик занимал не больше восьми соток. За чугунной изгородью, строго по центру, стояло двухэтажное здание. Дворик был поделен на несколько прямоугольников; самый большой, перед входом в здание, занимали детская площадка с качелями и пара бетонных скамей. По нему бегали ребяташки лет пяти-шести, играя в догонялки. Женщина за сорок держала на руках младенца, заслоняя его от солнца, которое едва пробивалось сквозь смог; она же присматривала за детьми, носившимися вокруг нее кругами.

По обеим сторонам от детской площадки располагались грядки с овощами и цветочные клумбы. Зеленые листья, пестрые цветы и овощи дышали жизнью. Даже в замутненном дымном свете они радовали глаз. Фан Му, не сдержав улыбки, подошел ближе и встал, схватившись за прутья решетки обеими руками. И тут же заметил детскую фигурку. Это был мальчик лет десяти, стоящий в точно такой же позе, с руками на перекладинах.

Мальчуган заметил, что Фан Му смотрит на него, и повернул голову. У него были чуть вьющиеся волосы, а кожа довольно светлая и ужасно грязная. Школьная форма болталась на нем, как на вешалке, с плеча криво свисал огромный рюкзак.

Фан Му по-приятельски улыбнулся.

– Что, уроки закончились?

Мальчик испуганно опустил глаза, но потом, набравшись храбрости, снова поглядел на Фан Му. Того это позабавило; он развернулся к малышу и уставился прямо на него. Растерявшись еще сильнее, мальчик залился краской. Он наклонил голову, и с кончика его носа упала капля пота.

Увидев, как мальчуган разволновался, Фан Му проникся к нему симпатией и решил немного подразнить. С подозрением прищурившись на его рюкзак, он внезапно соорудил мрачную гримасу и рявкнул:

– Хе Цзин, ты сделал домашнюю работу?

Удивленный, мальчик отступил на шаг, оглядывая Фан Му с головы до пят и бормоча испуганно:

– Как... откуда вы узнали?..

Юноша хохотнул:

– Я знаю все!

Мгновение мальчик смотрел на него с ужасом. Потом, внезапно сообразив, сдернул рюкзак со своего плеча. На боку черным маркером было подписано имя – «Хе Цзин».

– Вы прочли! – Он широко улыбнулся – без всякого смущения, будто разоблачил одноклассника. – Между прочим, меня зовут не Хе Цзин.

Выпалив это, мальчишка тут же развернулся и бросился бежать.

Фан Му проводил его глазами и уже собирался что-нибудь сказать, когда услышал, как его окликают из-за ограды:

– Офицер Фан, здравствуйте!

К нему обращалась женщина с младенцем на руках. Она мотнула головой в ту сторону, куда сбежал мальчишка:

– Вы его знаете?

– А? – удивился Фан Му. – Здравствуйте, госпожа Чжао. Он разве не здесь живет?

– Нет. Я даже не знаю, кто он такой. Но он всегда приходит, когда ему нечем заняться. Внутри не просится, стоит снаружи и смотрит. А если я пытаюсь подойти и поздороваться, сразу убегает.

– О. – Фан Му задумчиво кивнул. – А учитель Чжоу здесь?

– Да. – Женщина указала на огород у себя за спиной. – Работает на грядках. Позвать его?

– Не надо, – поспешно сказал юноша. – Я сам.

* * *

Седовласый старик в брюках, подвернутых до колен, склонялся к грядке, копаясь руками в земле. Заслышав шаги, он поднял голову. И сразу легкая улыбка озарила его лицо.

– Ты пришел...

– Да. Здравствуйте, учитель Чжоу. – Фан Му присел на корточки рядом с ним. – Что у вас тут?

– Рыхлю почву под посадки, – ответил старик, цокая языком.

– Что будете сажать?

– Клубнику. У той, которую вырастил сам, совсем другой аромат. Кажется, в прошлый раз ты ее пробовал... Неплохая, правда?

Фан Му ощутил на языке резкий кисло-сладкий вкус и судорожно сглотнул.

– Неплохая. Только кисловата немного.

Учитель Чжоу расхохотался.

– Ну, ты ее хотя бы не выплюнул – значит, она была ничего... Мои маленькие хулиганы не дают ей созреть, обрывают еще зеленой.

С видимым усилием он распрямил затекшую спину. Фан Му торопливо протянул ему руку, чтобы поддержать.

– Ну что ты! Я же весь в земле; смотри, испачкаешься...

Не выпуская руки старика, Фан Му помог ему добраться до бетонной скамьи. Учитель Чжоу вытянул ноги и растер их ладонями, постанывая и вздыхая.

– Учитель Чжоу, с вами всё в порядке?

– Меня ранили во времена Культурной революции¹; каждый раз, когда меняется погода, это место болит... О, благодарю! – Учитель взял у Фан Му из пачки сигарету, прикурил, сделал глубокую затяжку и в блаженстве выпустил дым.

Юноша вытащил еще одну, для себя, и стал наблюдать за ребятейней, неутомимо носившейся по двору.

¹ Культурная революция – серия идейно-политических кампаний, развернутых и руководимых лично Мао Цзэдуном, либо проводимых от его имени, во имя дискредитации и уничтожения политической оппозиции.

– Ты сегодня не работаешь? – спросил учитель Чжоу.

– Ездил в банк положить деньги вам на счет, а потом дел у меня не было, вот я и решил заехать повидаться.

– А! – Учитель Чжоу отбросил окурок в сторону, потом повернулся к Фан Му и с теплотой произнес: – Благодарю тебя от лица Яфан.

– Не нужно, учитель Чжоу, – спешно ответил Фан Му. – Я знаю, как трудно вам в одиночку содержать такой большой приют.

Старик, улыбнувшись, спросил:

– Ты хочешь, чтобы я по-прежнему держал это в секрете?

– Да. – Фан Му кивнул. – Пока она не закончит школу и не найдет работу. Я пока зарабатываю немного, и это все, что я могу выделять для нее каждый месяц. Но если Яфан потребует больше денег, дайте мне знать.

– Не против, если я спрошу... – Учитель Чжоу тщательно подбирая слова. – Почему ты помогаешь Ляо Яфан? Я имею в виду – почему только ей одной?

Фан Му поглядел на дым, завитками поднимавшийся вверх. Мгновение спустя опустил голову и пробормотал:

– Простите, учитель Чжоу...

– Всё в порядке. – Старик похлопал его по плечу, негромко усмехнувшись. – У всех есть секреты. Ты помогаешь Ляо Яфан, и я знаю, что это от чистого сердца. Кстати, вот и она...

Фан Му проследил за взглядом учителя Чжоу до ворот, куда входила девочка с рюкзаком за спиной. Покраснев, он уже поднялся, чтобы уйти, но учитель его остановил.

– Она же никогда тебя не видела. Чего ты испугался? – Он помахал девочке рукой: – Ляо Яфан!

Удивленная, девочка застыла на месте. Потом увидела, что учитель Чжоу ее зовет, и покорно подошла.

– Здравствуйте, учитель Чжоу. – Она легонько поклонилась ему, но глядела в сторону Фан Му. Не зная, как обратиться к незнакомцу, только кивнула. Фан Му дружелюбно улыбнулся ей и тоже кивнул.

– Уроки в школе закончились? – спросил учитель Чжоу. – Домашнюю работу сделала?

– Да, еще в классе. – Она стояла, прямая, как карандаш, и одной рукой нетерпеливо теребила ляжку рюкзака.

– Молодец! Не забудь помочь маленькой Йон с математикой сегодня вечером. Кстати, тебе нравится твой новый рюкзак?

Лицо Ляо Яфан осветила застенчивая улыбка:

– Очень.

– Это хорошо... Ну, иди, отдохни немного.

Разрумянившаяся Ляо Яфан послушно кивнула, развернулась и побежала к дому; казалось, энергия юности мчится за ней по пятам.

Однако она не стала отдыхать, как советовал учитель Чжоу: пять минут спустя Фан Му увидел, как Ляо Яфан вышла во двор с алюминиевым ведром, полным картошки, и начала чистить картофелины одну за другой.

Юноша подумал, что ей должно быть уже около шестнадцати. Чертами лица она походила на мать: ей достались выразительные глаза и брови Сун Мей. Однако лицо Ляо Яфан казалось спокойным, сдержанным и немного печальным, что редко увидишь у ее ровесниц. Пока они сидели дома, поедая сладости перед телевизором, или болтали с подружками в интернете, она чистила картошку на ужин для нескольких десятков человек. По ее уверенным движениям было видно, что подобная работа для нее привычна. От этой мысли сердце у Фан Му зануло. Наверное, причина заключалась в том, что Ляо Яфан, как и он сам, была лишена детства.

Время от времени она останавливалась и устремляла взгляд в пространство, не выпуская из рук картофелины и ножа, потом, спустя несколько секунд, снова склоняла голову и продолжала чистить, чтобы еще раз остановиться и замереть. Несколько раз их с Фан Му взгляды встречались. Ляо Яфан не отводила глаз, смотря прямо на него. Он ей улыбался, но она никак не отвечала; просто снова принималась чистить картошку с задумчивым выражением на лице.

Дети, один за другим, возвращались в уют из школ, шум и суета во дворике усиливались. Ребятишки разного возраста, здоровые и калеки, бегали друг за другом с громкими криками. Кто-то радостно рассказывал, как прошел день в школе; кто-то пытался отобрать у другого конфету. Несколько человек присели на корточки возле стены и перешептывались, хихикая и шмыгая носами.

Учитель Чжоу отряхнул землю с рук и предложил:

– Маленький Фан, почему бы тебе не остаться на ужин? Особых изысков не обещаю, но точно будет вкусно.

Фан Му покачал головой: он живо представил себе, насколько неловко ему будет сидеть за одним столом с Ляо Яфан и ужинать вместе. Она понятия не имела, как выглядит человек, которому ее мать дважды спасла жизнь, и уж точно не могла помнить растерянного парнишку-студента, как-то раз прошедшего мимо нее по коридору мужского общежития № 2, в котором она стояла, словно принцесса. Фан Му еще предстояло набраться храбрости, чтобы выступить перед девочкой в роли ее покровителя.

Пока он выдумывал предлог, чтобы вежливо отклонить приглашение, зазвонил его мобильный телефон.

– Ты где? – резким тоном спросил Бьян Пинь.

– В городе. Что случилось?

– Встречаемся возле общежитий бумажного комбината в Куанцяне через пятнадцать минут!

Фан Му попытался уточнить, что произошло, но начальник уже повесил трубку. Юноша распрощался с учителем Чжоу, прыгнул в свой внедорожник и помчался по городу под вой сирены.

* * *

Округ Куанцянь был одним из старейших в городе, и некогда там располагалось большинство заводов и фабрик. Пока новомодные архитектурные течения не распространились повсеместно, этот район процветал. Однако по мере непрерывной городской экспансии и вытеснения производства на окраины Куанцянь превратился в тихий уголок, чуждый современной городской культуре. Его скромные особнячки и трехэтажные жилые здания выглядели старомодными. Но, будь район новым или старым, люди повсюду одинаково любопытны.

Толпа зевак стояла перед ветхим трехэтажным домом. Полицейские машины были припаркованы на всех свободных местах, так что Фан Му пришлось оставить свой внедорожник в квартале оттуда и прогуляться пешком.

Пространство перед зданием огородили полицейской лентой, за которой суетились мрачные люди в штатском и в полицейской форме. Фан Му прицепил свой именной бейдж к нагрудному карману рубашки, поднял ленту и поднырнул под нее. Бьян Пинь разговаривал с констеблем² в форме отряда особого назначения; заметив Фан Му, он подозвал его к себе.

– Это офицер Фан из нашего ведомства, – представил его Бьян Пинь. – Констебль Дуан из спецотряда.

² Соответствует сержантскому званию.

Фан Му протянул руку. Ладонь констебля была шершавой и жесткой, а рукопожатие на редкость крепким.

– Изложу суть дела. – Бьян Пинь указал на третий этаж. – Сегодня после полудня съемочная группа с местного телеканала приехала в квартиру триста один на третьем этаже для съемок программы. Участник шоу утверждал, что его зовут Люо Цзяхай и что он очень хотел бы повидаться со своей старой учительницей, причем именно сегодня, в День учителя. Войдя в квартиру, он выхватил нож и нанес ей удар. Текущее состояние жертвы неизвестно, но, судя по показаниям свидетелей, она мертва. Проблема в том, что в квартире находится девочка примерно девяти лет, и мы предполагаем, что ее держат в заложниках, – только поэтому до сих пор не взяли квартиру штурмом.

Пока Бьян Пинь говорил, полицейский в форме взялся за мегафон и начал кричать в сторону здания:

– Послушайте меня! Вы окружены! Бросьте оружие и отпустите заложницу! Вам следует немедленно сдать власть! Повторяю...

Фан Му осмотрелся. Все окна были закрыты; на призывы полицейского никто не отвечал.

– Он выдвинул какие-нибудь требования?

– Нет, никаких, поэтому наш план – послать кого-нибудь к нему для переговоров и выяснить, чего он хочет. Ну и попытаться обезвредить его. – Бьян Пинь спокойно выдержал вопросительный взгляд. – Я собираюсь послать тебя.

Фан Му остолбенел. Во рту у него пересохло. Несколько секунд он так же, не отрываясь, смотрел начальнику в глаза.

– Меня?

– Именно.

Фан Му глянул на констебля Дуана, рассчитывая по меньшей мере на ободряющий кивок, но на лице у того просматривалось очевидное недоумение с примесью сомнений.

Бьян Пинь тоже это заметил. Он развернулся к констеблю и сказал:

– Дуан, дружище, это лучший парень в нашем ведомстве. – Потом махнул рукой Фан Му: – Иди готовься!

Юноша, преодолевая внутреннее сопротивление, направился к служебной машине, где девушка-полицейский проворно закрепила на нем беспроводной наушник и микрофон, а другой полицейский, мужчина, закатал брючину и надел ему на щиколотку кобуру. Фан Му полностью отдался на их попечение и продолжил наблюдать за Бьян Пинем. Тот что-то говорил констеблю Дуану, а последний кивал, слегка хмуря брови. Когда Дуан снова оглянулся на Фан Му, в его глазах было нечто вроде надежды.

– Как подготовка? – спросил он, подойдя ближе. Не дожидаясь ответа, вытащил из-за ремня пистолет «Тип 64» и, задрав бровь, поглядел в лицо Фан Му. – Умеешь пользоваться?

Фан Му, кивнув, взял пистолет. Привычным жестом сдернул предохранитель и проверил затвор; дослав пулю в патронник, наклонился и сунул пистолет в кобуру на ногу.

Бьян Пинь подошел к ним; оглядев Фан Му с ног до головы, сказал:

– Теперь о наших планах. Их три. Первый: постарайся уговорить его сдаться. Второй: попытайся его обезвредить; как только представится возможность – стреляй. Третий: на крыше дома напротив сидит снайпер, но пока что преступник вне поля его зрения. Мы считаем, что он вместе с заложником укрылся в дальней спальне. Если поймешь, что уговорить его или обезвредить не получится, постарайся подманить его к окну, выходящему на юг. Чем ближе, тем лучше. Остальное предоставь спецотряду. Вопросы?

На мгновение Фан Му задумался. Ему казалось, что в голове у него кружит тысяча вопросов, но он не знал, какой из них задать, поэтому просто покачал головой.

– Ладно, тогда пошли. – Бьян Пинь хлопнул его по плечу. – Не буду напоминать тебе основы ведения переговоров, просто будь осторожен.

Фан Му кивнул, сделал глубокий вдох и повернулся, чтобы идти, но констебль Дуан попросил его задержаться. Затем присел на корточки, достал пистолет Фан Му и вытряхнул из него обойму. Разложил на ладони патроны, осторожно отобрал три и вернул их в обойму, а обойму – в пистолет.

– Трех более чем достаточно. Остальные будут бесполезны, и все сильно осложнится, если ты начнешь палить в разные стороны. В любом случае, как только раздастся первый выстрел, мои люди сразу ворвутся внутрь.

От этих слов Фан Му не стало спокойней – наоборот, он занервничал еще сильнее. Хоть и признавал, что логика констебля Дуана оправданна.

* * *

С десяток солдат спецподразделения залегли в коридоре третьего этажа. На подгибающихся ногах Фан Му прошел мимо закаленных бойцов с оружием наготове, буквально кожей чувствуя, как изумленные взгляды провожают его к дверям квартиры: он отнюдь не походил на уверенного и собранного переговорщика – скорее на зеленого студентика, первокурсника университета.

В 2004 году, в ходе инцидента со взятием заложников, из-за несоблюдения процедуры преступник успел перерезать одному из пленных сонную артерию и гортань, прежде чем его застрелили. В свете этих событий департаменты общественной безопасности в других городах стали куда серьезней подходить к реагированию в чрезвычайных ситуациях, но профессиональных переговорщиков по-прежнему не хватало. Вот почему пришлось вызывать парня из Исследовательского института криминальной психологии, действующего под эгидой Департамента общественной безопасности, чтобы тот попытался договориться с преступником.

Ступени под ногами Фан Му были липкими от грязи, скапливающейся годами. Холл плохо освещался, и ему казалось, что он идет по экрану компьютерной игры, делая шаг за шагом к квартире номер 301 через какую-то нереальную декорацию. Несколько секунд юноша стоял перед ржавой железной дверью; разум его был совершенно пуст. Фан Му не знал, что будет делать или говорить. Двое солдат спецотряда с СВД-79 в руках обменялись настороженными взглядами. Фан Му заметил это краем глаза – и сразу почувствовал неловкость. Он откашлялся и поднял руку, собираясь постучать.

Железная дверь приоткрылась, издав душераздирающий скрип. Перед Фан Му лежала длинная, узкая жилая комната, в центре которой, в луже свернувшейся крови, лежала женщина. Рядом с ней была брошена видеокамера, кажется, продолжавшая снимать. Фан Му замер в дверном проеме, потом распахнул дверь. Убедившись, что за ней никто не прячется, осторожно двинулся вперед, к телу. Присел на корточки и прижал два пальца к шее женщины, внимательно следя за тем, нет ли поблизости движения.

Ледяная неподатливая плоть под его пальцами и отсутствие пульса однозначно указывали на то, что женщина мертва. Убедившись в этом, юноша решил не тратить на нее больше время, поднялся и обвел комнату взглядом, после чего громко позвал:

– Где ты, приятель?

И тут же услышал из-за плотно закрытой двери перед собой сдавленные всхлипы. Казалось, будто кто-то пытается говорить через кляп во рту. Сердце подкатилось к горлу: похоже, преступник укрывался именно там.

Собравшись, Фан Му обратился к двери, самую малость повысив голос:

– Выходи, ладно? Давай всё обсудим.

Он задержал дыхание и сосредоточился на звуках из-за двери, ожидая ответа.

Несколько секунд – а может, минут – спустя дверь медленно приоткрылась.

На пороге стояла девочка лет десяти, со связанными за спиной руками. Волосы ее были перепутаны, а лицо залито слезами. Полные ужаса глаза глядели из-под покрасневших, распухших век. Стоило ей увидеть тело женщины, как она отчаянно вскрикнула и завизжала, но наволочка во рту заглушила эти звуки.

Позади девочки стоял мужчина. Одной рукой он держал ее за шею, а другую прятал за ее спиной, поэтому Фан Му не мог разглядеть, что у него за оружие. Зато он заметил, что рост преступника около 180 сантиметров, что у него коротко стриженные волосы и что он еще очень молод. Щеки у него запали, глаза покраснели. Фан Му ожидал увидеть в этих глазах ярость или страх, но они глядели на редкость спокойно. Взгляд казался непроницаемым, но – и от этого Фан Му стало не по себе – в нем читалась решимость: умирать так умирать.

Человек, который не боится смерти, не боится ничего.

– Люо Цзяхай?

Тот не ответил, только оглядел его с ног до головы. Заметив это, Фан Му медленно выпрямил спину и встал, слегка раздвинув ноги, а потом поднял руки, демонстрируя раскрытые ладони.

– Посмотри – я не вооружен. Давай просто поговорим.

Теперь Люо Цзяхай смотрел прямо ему в лицо, но по-прежнему молчал. Внезапно он открыл рот:

– Вы из полиции?

Фан Му опустил руки и кивнул:

– Да.

Люо Цзяхай немного расслабился, и в его глазах промелькнуло нечто вроде любопытства. Фан Му понял, почему Бьян Пинь настаивал, чтобы именно он пошел переговорщиком: люди, сообщившие о нападении в полицию, упоминали, что преступник учится в университете. Если бы на переговоры отправили полицейского, Люо Цзяхай почувствовал бы давление и не смог бы довериться ему. Фан Му выглядел его ровесником, и это до некоторой степени ослабило защиту.

Услышав слово «полиция», девочка словно вынырнула из глубин отчаяния – она начала отбиваться и устремила на Фан Му взгляд, полный мольбы, в котором отчетливо читалось: «Спасите меня!»

Юноша заметил на ее белой футболке следы крови. Быстро оглядел девочку, чтобы проверить, не ранена ли она, а если да, то насколько серьезно.

Люо Цзяхай в ответ медленно покачал головой и сказал глухо:

– С ней всё в порядке. Это кровь ее матери. Девчонку я не трогал. – Он сделал паузу и улыбнулся одними уголками губ. – У нее не тот запах.

Фан Му замер. Запах? Какой еще запах?

Люо Цзяхай не обратил внимания на недоуменное выражение лица переговорщика. Он наклонился к девочке и шепнул:

– Прекрати вырываться, твоя мать мертва. Ты ей ничем не сможешь помочь.

В панике девочка отдернула голову, стараясь держаться как можно дальше от похитителя, и одновременно снова устремила умоляющий взгляд на Фан Му.

Тот кивнул:

– Делай как он велит.

Девочка перестала отбиваться. Но слезы не останавливались; они катились по ее щекам, похожие на жемчужные бусины.

Фан Му снова посмотрел на Люо Цзяхай и сказал:

– У меня предложение. Вытащи эту штуку у нее изо рта, хорошо?

– Чего?

Фан Му ткнул пальцем себе в нос.

– Когда человек плачет, слизистые у него в носу разбухают и воздух не проходит. А ты заткнул ей рот. – Он кивнул на девочку, лицо которой стало багровым от рыданий. – Она задохнется.

Люо Цзяхай опустил голову и посмотрел на свою пленницу, казалось, что-то взвешивая у себя в голове. Наконец он сказал, обращаясь к ней:

– Я вытащу, если не будешь кричать. Ладно?

Девочка отчаянно закивала. Люо Цзяхай пошевелил рукой, которую до того держал позади девочки, и Фан Му увидел у него в ладони окровавленный нож. Рукой с ножом мужчина вытащил скомканную наволочку у девочки изо рта, и другая рука, которой он сжимал ей шею, немного ослабила хватку.

Все это время девочка практически лежала на Люо Цзяхае, чтобы держаться на ногах: от внезапного облегчения и притока кислорода она едва не упала. Люо Цзяхай тут же схватил ее за локти, не давая соскользнуть на пол, и нож, упирившийся ей в спину, сместился.

В наушнике у Фан Му раздался окрик констебля Дуана, ясный и четкий:

– Давай же!

Юноша на мгновение впал в растерянность: что делать? Броситься вперед и отобрать нож? Или просто выстрелить в него из пистолета? Воспользовавшись промедлением, Люо Цзяхай снова крепко схватил пленницу и приставил нож к ее горлу.

– Черт побери! – раздраженно воскликнул констебль.

Однако Фан Му ни о чем не жалел – скорее радовался, что не стал торопиться. Если Люо Цзяхай согласится слушать, его еще можно уговорить сдаться.

От этой мысли Фан Му почувствовал себя спокойнее и улыбнулся Люо Цзяхаю:

– Спасибо. Ну что, давай поговорим... Какие у тебя требования?

– Требования? – Вопрос застал Люо Цзяхая врасплох. Секунду он в недоумении таращился на Фан Му, а потом покачал головой. – Никаких требований нет.

Настала очередь Фан Му изумляться. Переговоры стопорились из-за отсутствия предмета торга. Поразмыслив пару мгновений, он решил пойти на риск.

– Тогда почему бы нам не выйти отсюда? – Юноша постарался произнести это самым легким тоном, какой сумел изобразить.

До этого Люо Цзяхай смотрел ему прямо в лицо, но тут его глаза померкли.

– Наружу? – Он слегка наклонил голову и обвел комнату растерянным взглядом. – И все это закончится? Вот так просто?

Фан Му решил сделать еще одну попытку.

– Конечно. Все закончится. Неплохо же, да?

Люо Цзяхай расхохотался.

– Закончится? И чем? – Он сделал паузу. – Моей смертью, не так ли?

Сердце Фан Му сжалось. Он знал, что самое худшее в переговорах – дать преступнику ощутить отчаяние. Вполне возможно, что оно заставит его наплевать на все и покончить с собой, заодно убив заложницу.

– Не обязательно. Ты напрасно так думаешь.

Люо Цзяхай покачал головой и горько усмехнулся.

– Я немного изучал юриспруденцию. Как ваше имя?

– Что?

– Наверное, вы последний человек, с которым я разговариваю, так что мне стоит знать, как к вам обращаться.

– О! Меня зовут Фан. – Внешне Фан Му держался по-прежнему собранно, но его ладони уже начали потеть. Слова Люо Цзяхая лишний раз подтверждали, что тот готов умереть. Надо было срочно придумать, как успокоить его и дать понять, что у него еще есть пространство для маневра.

– Офицер Фан, вы, может, и не вооружены, но я уверен, что где-то поблизости сидит снайпер и целится мне в голову. В любой момент он может вышибить мне мозги. Однако я хочу, чтобы вы знали: я неплохой человек. Это правда – я убил эту женщину. Потому что она должна была умереть. Но девочке я не причинил вреда, у нее нет этого запаха. Надеюсь, я доказал, что не являюсь злодеем.

Запах... Уже второй раз он упомянул о запахе.

Фан Му посмотрел Люо Цзяхаю прямо в глаза.

– Что за запах? О чем ты говоришь?

Тот покачал головой.

– Забудьте. Вам не надо знать, а у меня нет времени рассказывать истории. Я убил человека и не выйду отсюда живым. О, не волнуйтесь, – усмехнулся он, увидев, как Фан Му резко бледнеет, – девочке я ничего не сделаю. Но пока она у меня в руках, ваши люди не станут стрелять, я прав? – Прежде чем Фан Му ответил, Люо Цзяхай продолжил: – Пожалуйста, дайте мне минутку побыть наедине со своими мыслями. – Голос его звучал серьезно, брови сдвинулись к переносице. – У меня есть на это право, прежде чем меня убьют.

Он перевел взгляд куда-то за голову Фан Му, и его глаза опять померкли.

Фан Му прищурился и внезапно задал вопрос:

– Как пахнет девочка в красном?

Люо Цзяхай стремительно вскинул голову. На его лице промелькнули ужас и паника.

Фан Му понял, что угадал верно. Он заговорил громче:

– Кто она была?

Нож в руке Люо Цзяхая нацелился на Фан Му:

– Вы знаете меня? Кто вы такой?

Фан Му уже собирался ответить, но его отвлек голос констебля Дуана в наушнике:

– Давай, приятель, заставь его сделать еще два шага вперед.

Внутри у Фан Му похолодело. Он знал, что снайпер на крыше дома напротив целится в центр комнаты из СВД. Юноша приподнял правую руку, развернув ее ладонью к окну – условный сигнал не открывать огонь.

Голос констебля Дуана стал жестким:

– Нет! Заложница в плохом состоянии. Больше ждать нельзя. У нас приказ немедленно ликвидировать преступника.

Люо Цзяхай не обратил на жест Фан Му ни малейшего внимания; он не отрываясь смотрел ему в глаза.

– Откуда вы знаете?

Фан Му поднял руку, веля ему успокоиться.

– Мы можем это обсудить. Пока ты должен знать следующее: я верю, что ты – хороший парень. Все, что ты сделал, имеет объяснение. Мне правда интересно узнать, что привело к этому происшествию, – если ты захочешь рассказать.

Глаза Люо Цзяхая наполнились слезами, нож в руке задрожал.

– Они разрушили ее жизнь... Ей было всего двадцать два года...

– Фан Му! Ты получил приказ! – громыхнул в наушнике голос Бьян Пиня.

Фан Му застыл на месте. Если они сейчас застрелят Люо Цзяхая, секрет, связанный с девушкой и запахом, о котором он упоминал, так и останется неразгаданным и может затронуть кого-то еще – может, ту самую девушку и ее жизнь.

Слезы медленно катились у Люо Цзяхая по щекам. Жестокий убийца рыдал, как обманутое дитя.

– Зачем топтать нас... Мы так мало хотели... Просто вести тихую жизнь...

Рыдания сотрясали его с такой силой, что он начал оседать вниз. Периферийным зрением Фан Му даже не видел, а скорее ощущал, как снайпер на крыше изготовился стрелять. Он

знал, что в оптический прицел тот видит вены на шее Люо Цзяхая. Что еще секунда, и грянет выстрел. Но тут снайпер скрылся за выступом, и у Фан Му отлегло от сердца.

– Пусть сделает еще шаг вперед, – отчеканил в наушнике констебль Дуан, и Фан Му понял, что и он тоже смотрит в прицел.

Юноша понимал, что с крыши дома напротив эта сцена выглядит по-другому. Что кажется, будто он утратил контроль над своими эмоциями. Тем не менее Фан Му не хотел пробуждать подозрения Люо Цзяхая. Он изогнул шею и яростно замахал рукой в окно.

Люо Цзяхай принял решение.

– Офицер Фан, я сдаюсь. Единственное, чего я прошу, это дать мне шанс рассказать всю правду о случившемся. Мы с Шен Сянь не хотели бы покинуть этот мир с грузом страшного преступления на душе... – Он перестал плакать и опустил нож. – Забирайте ее. Я пойду с вами.

Затем положил ладонь девочке на спину и подтолкнул ее к Фан Му.

Фан Му инстинктивно протянул к ней руку, но тут же мысль, словно молния, промелькнула у него в мозгу. Люо Цзяхай вышел на линию стрельбы!

Нет!

Времени подавать сигналы не оставалось. Стиснув зубы, Фан Му бросился вперед и заслонил собой окно.

– Черт! – воскликнули в наушнике с яростью.

Юноша зажмурился. На мгновение ему показалось, что он слышит, как пуля калибра 7.62 свистит в воздухе, разбивает стекло и врезается в его плоть. Он даже ощутил ее невыносимый жар...

Но ничего не случилось. Фан Му открыл глаза. Лоб его был подернут холодным потом.

Сделав над собой усилие, юноша улыбнулся Люо Цзяхаю.

– Идем. Пора выбираться отсюда.

* * *

Стоило им выйти из дверей, как солдаты спецподразделения бросились вперед. Люо Цзяхая быстро провели по ступенькам и затолкали в полицейскую машину; Фан Му успел лишь сказать «поаккуратнее с ним». Девочку отвезли в больницу, а толпа криминалистов наводнила место преступления, выполняя свою работу.

Все тело Фан Му ломило; ему пришлось опереться о порученья лестницы, чтобы медленно спуститься вниз. Мимо проносились полицейские; время от времени один из них на бегу хлопал его по спине, говоря: «Отличная работа!»

Напряжение отпустило, и Фан Му почувствовал себя уставшим. Волоча ноги, он с трудом вышел из подъезда. Снаружи его дожидались мрачные Бьян Пинь и констебль Дуан.

Начальник не стал ни критиковать, ни поздравлять. Он сказал лишь:

– Ладно, ты справился. Иди, посиди в машине, передохни чуть-чуть.

Фан Му не осмелился произнести ни слова. Он наклонился, отстегнул со щиколотки кобуру и протянул ее констеблю Дуану. Забрав оружие, констебль несколько секунд глядел ему в глаза, а потом показал большой и указательный палец, между которыми оставалось не больше пары миллиметров.

– Две десятые секунды. – Он сделал паузу. – Две десятые. Опоздай я вот на столько, ты был бы уже мертв.

Фан Му слабо улыбнулся и пробормотал:

– Спасибо.

Глава 2

Воссоединение

На следующее утро, как следует отоспавшись, Фан Му отправился в Департамент общественной безопасности. Однако прибыл не первым: на входе ему сообщили, что капитан Бьян Пинь ждет его у себя в кабинете.

Шеф выглядел разбитым; глаза у него были красные, будто он не спал всю ночь. Фан Му поглядел на пепельницу, переполненную окурками, и попытался угадать, над каким делом ломает голову его премудрый начальник. Но тут ему в глаза бросились фотографии на столе. На одной из них был труп женщины, лежащий на полу в гостиной, – со вчерашнего места преступления. Это было дело Люо Цзяхая.

Бьян Пинь заметил, куда он смотрит, и сразу перешел к делу.

– Парень довольно странный.

Фан Му протянул ему сигарету, подал зажигалку, а потом закурил сам.

– Материалы дела в полиции?

– Да.

– Люо Цзяхай признался?

– Не-а. – Бьян Пинь потер шею. – Ребята всю ночь допрашивали его, но этот говнюк только и твердит, что убил старуху; насчет мотива молчит как рыба. Однако они более-менее разобрались, откуда он взялся. Ты не поверишь, но он, кажется, совершил еще одно убийство.

– Что? – Фан Му застыл, потрясенный. – И жертвой была девушка в красном, верно?

Бьян Пинь поднял голову и многозначительно на него посмотрел.

– Это возвращает меня к вопросу, который я в любом случае собирался тебе задать. Откуда ты узнал про девушку в красном?

– Догадался. – Фан Му сделал паузу. – По движению глаз Люо Цзяхая.

– Итак, я тебя слушаю.

– В обычной ситуации, если человек правша и если он в задумчивости смотрит влево, это значит, он вспоминает реальное событие из прошлого. Если вправо – представляет себе нечто, чего раньше не видел. Если взгляд скользит вниз и влево, он вспоминает звук голоса, если вниз и вправо – думает о чем-то, что воспринимал через зрение или другие органы чувств.

– А красный цвет? Его-то ты как угадал?

– По напряжению мышц лица Люо Цзяхая. Обычно, когда человек думает о чем-то красном, это вызывает у него нервозность и мышцы лица сокращаются. Если он думает о чем-то желтом, у него не только напрягаются мышцы, но еще и появляется выражение отторжения, недовольства. – Фан Му сделал торопливый вдох и продолжил: – Вчера в какой-то момент Люо Цзяхай задумался. Раньше я уже заметил, что он держит нож в правой руке, поэтому, когда его взгляд сначала скользнул вверх и влево, а потом вниз и вправо, а лицо напряглось, но без выражения недовольства, я догадался, что он думает о девушке. А потом решил рискнуть и сказал ему, что он думает о девушке в красном.

– Хмм... – Бьян Пинь задумчиво кивнул. – Наверняка он правда думал в тот момент о девушке. Но она была не в красном.

– Что вы хотите сказать? – Глаза Фан Му широко распахнулись.

– Неделю назад пропало трое студентов из Технического колледжа Цзянбина. Это был не кто иной, как Люо Цзяхай, плюс две девушки оттуда же – Шен Сянь и Сан Наннан. – Бьян Пинь сделал паузу. – На момент исчезновения Шен Сянь была в белом платье, а Сан Наннан – в желтой футболке и черных шортах.

«Мы с Шен Сянь не хотели бы покинуть этот мир с грузом страшного преступления на душе...»

Значит, когда он задумался, то представлял себе ту девушку, Шен Сянь.

Белое платье... С красным...

Фан Му нахмурился и поднял голову на Бьян Пиня, выжидательно глядевшего на него, а потом медленно произнес:

– Белое платье, залитое красным.

– Я тоже об этом подумал. – Лицо начальника помрачнело. – По крайней мере одна из этих девушек может быть уже мертва.

Секунду подумав, Фан Му спросил:

– Что мы можем сделать?

– Расслабиться. – Бьян Пинь развернул плоский монитор у себя на столе экраном к Фан Му. – Вот, посмотри.

Там проигрывался ролик – кажется, фрагмент какого-то телешоу. Фан Му вспомнил, что на месте преступления валялась брошенная камера, которая продолжала снимать.

– Это видео с камеры из той квартиры?

– Именно. – Бьян Пинь удобно растянулся на диване, стоявшем вдоль стены его кабинета. – Ты посмотри, а я пока вздремну. За всю ночь глаз не сомкнул...

Первые десять минут в ролике не было ничего необычного – то же самое, что показывают по телевизору. Однако Фан Му заметил, что лицо у Люо Цзяхая все время казалось мрачным – вероятно, он тревожился насчет того, что собрался сделать. Потом наступил момент, когда Люо Цзяхай вытащил нож и напал на учительницу Цин – тут в кадре начался хаос. Сначала камера наклонилась на бок, и раздался крик учительницы, а также перепуганные возгласы членов съемочной группы. Фан Му продолжал внимательно смотреть; камера тряслась так, что у него закружилась голова. Тряска продолжалась еще несколько секунд, после чего объектив дернулся вверх, перевернулся и замер.

Наверное, оператор бросил камеру, убегая из квартиры, подумал Фан Му. Ему пришлось наклонить голову набок, чтобы рассмотреть происходящее. Вспомнив, как Бьян Пинь потирал шею несколько минут назад, он мысленно рассмеялся.

И тут в поле зрения камеры появились две ноги в шортах салатного цвета. Раздался пронзительный крик, а на заднем плане Фан Му различил прерывистое дыхание Люо Цзяхая. Пара ног пробежала к двери и ударом захлопнула ее. Теперь в кадре возникла нижняя часть тела Люо Цзяхая. Он сделал несколько шагов к двери и, тоже ударом, открыл ее. Напротив двери стояла кровать; на кровати сидела девочка с книжками. Она начала одну за другой швырять их в нежданного гостя, пребывая на грани истерики. Люо Цзяхай повалил девочку на кровать и стал срывать с нее одежду.

Он быстро справился с ней. Ее слабые, похожие на перышки, руки, колотили его, куда придется. Люо Цзяхай потянул футболку на девочке кверху и сдернул с нее шорты. Потом нагнулся, раздвигая ей ноги, и начал расстегивать ремень. Когда он уже почти снял брюки, его взгляд остановился на ее полудетской груди, и насильник замер.

Голова Люо Цзяхая была наклонена, и лица Фан Му не видел, но теперь преступник трясся всем телом. Девочка последним усилием вырвалась из его хватки, и от этого движения Люо Цзяхай, словно в забытьи, свалился с кровати на пол. Прислонившись спиной к боковине матраса, он вдруг схватил себя за волосы и в голос зарыдал.

Фан Му поморщился при виде трясущегося и рыдающего убийцы.

Внезапно Люо Цзяхай выпрямил одну ногу и ударил в дверь. Та захлопнулась, и в поле зрения камеры остались только гостиная и плотно закрытая дверь.

В следующий час ничего не происходило. Издалека доносились слабые звуки полицейских сирен и человеческие голоса, а потом в комнату вошел он сам.

Закончив смотреть, Фан Му откинулся на спинку стула и закурил сигарету.

Очевидно, Люо Цзяхай хотел изнасиловать девочку, но потом передумал. Судя по внешним слезам, он испытывал искреннее раскаяние.

«Ее я не трогал... У нее не тот запах...»

Эти слова показывали, что попытка Люо Цзяхая совершить изнасилование была продиктована мотивом мести, и запах, о котором он упоминал, как-то ассоциировался с сексуальным поведением.

Фан Му еще раздумывал над этим, когда на столе зазвонил телефон. Юноша помедлил секунду, а потом протянул руку к трубке, но Бьян Пинь, вскочив с дивана, опередил его.

– Алло? Да... я... Ага... Понял.

Затем он повесил трубку и повернулся к Фан Му.

– Это из участка. Простят, чтобы ты приехал. Люо Цзяхай хочет повидаться с тобой. – Он сделал паузу. – Похоже, у тебя будет возможность встретиться со старым другом.

* * *

Как только Фан Му вошел в участок, его сразу проводили к допросной. Перед большим односторонним зеркалом сидели несколько человек, сосредоточившихся на том, что происходило по другую сторону. Услышав шаги, высокий мужчина развернулся к нему.

Фан Му замер на месте, его лицо расплылось в улыбке.

Это был Тай Вей.

Однако тот приветствовал его отнюдь не так тепло: он просто оглядел Фан Му с головы до ног, и его нахмуренные брови немного разошлись в стороны.

– Вот и ты, – произнес офицер.

Холодность Тай Вея поставила Фан Му в тупик, поэтому он просто кивнул, придвинул себе стул и сел.

– Буду краток, – деловым тоном начал Тай Вей. – Неделю назад из Технического колледжа Цзянбина пропали трое студентов. Это были Люо Цзяхай, его девушка Шен Сянь и Сан Наннан; последняя младше них на два курса. Следствие выяснило, что ранее между Сан Наннан и Шен Сянь произошел конфликт и что Люо Цзяхай и Шен Сянь похитили Сан Наннан. Тот факт, что вчера Люо Цзяхай совершил убийство, подтверждает, что исчезновение Сан Наннан имело насильственный характер.

Секунду Фан Му молчал.

– Что я должен сделать?

– С момента ареста Люо Цзяхай не сказал ни слова. Сегодня утром мы надавили на него, и он заявил, что будет говорить только с тобой. Мы хотим, чтобы ты узнал, где находятся Шен Сянь и Сан Наннан, а также живы они или нет. Вот почему мы приехали из Цзянбина. – Тай Вей откашлялся. – Дело веду я.

Не сказав ни слова, Фан Му повернулся к одностороннему зеркалу на стене. Люо Цзяхай сидел, низко наклонив голову, прикованный к стулу за руки и ноги. Он казался маленьким и жалким.

Фан Му встал.

– Снимите с него наручники и ножные кандалы.

Полицейский из участка глянул на Тай Вея. Тот махнул рукой, приказывая исполнить распоряжение Фан Му.

Полицейский вытащил ключи. Провожая юношу к двери допросной, он сказал:

– Поосторожней там, парень.

– Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Перед тем как перешагнуть порог, Фан Му внезапно обернулся и ткнул пальцем в Тай Вея:

– Только на этот раз никуда не сбегай³.

Все недоуменно уставились на офицера. Уголки его губ медленно поползли вверх, а взгляд потеплел.

Фан Му тоже улыбнулся и открыл дверь в допросную.

* * *

Люо Цзяхай при его появлении не поднял головы и не пошевелился. Фан Му уже решил было, что тот спит, но, когда полицейский снял наручники, Люо Цзяхай потер затекшее запястье там, где металл оставил красный след, и Фан Му понял, что он бодрствовал все это время. Мгновение он смотрел на арестованного, а потом попросил принести бутылку воды и протянул ее Люо Цзяхаю.

Тот негромко поблагодарил его, открутил крышку, сделал маленький глоток, закрыл бутылку и поставил ее на стол перед собой.

Фан Му закурил и сел по другую сторону стола, разглядывая Люо Цзяхая. Минуту спустя он подтолкнул пачку сигарет в его сторону.

Тот поднял голову и покачал головой:

– Нет, спасибо.

Фан Му едва заметно кивнул и продолжил молча курить.

Они сидели по разные стороны стола, разделенные легким облачком дыма. Один смотрел на бутылку минеральной воды перед собой, второй – на него сквозь дым. Люо Цзяхай хранил молчание, и оба словно чего-то ждали.

Фан Му знал, что за односторонним зеркалом все в нетерпении ждут, когда Люо Цзяхай заговорит. Неплохо было бы дать знать Тай Вею, что торопиться уже некуда: судя по поведению и словам Люо Цзяхая, Шен Сянь и Сан Наннан, скорее всего, мертвы. Когда бы полиция ни нашла их, спасти девушек не удастся.

Фан Му гораздо больше интересовало, что за цепь событий привела к этому преступлению. Что именно Люо Цзяхай имел в виду, когда говорил о запахе? Почему он убил учительницу Цин? И как Шен Сянь и Сан Наннан связаны с этим убийством?..

Покончив с сигаретой, он неторопливо произнес:

– Ты хотел меня видеть. Что ты хочешь мне сказать?

Люо Цзяхай ответил не сразу. Он выждал несколько секунд, прежде чем поднять глаза. Фан Му не отвел взгляда, а продолжал смотреть прямо на него. В глазах арестованного была предельная усталость, смешанная с отчаянием и скорбью.

Спустя почти минуту Люо Цзяхай хриплым голосом заговорил:

– Офицер Фан, если я скажу, что я – хороший человек, вы поверите мне?

– У меня нет сейчас задачи проводить оценку твоей личности, но да, я скорее поверил бы, что ты хороший. – Фан Му чуть-чуть повысил голос: – Но ты совершил убийство. Все мы порой допускаем ошибки и находим для себя оправдания. Если хочешь, чтобы я тебе поверил, попробуй меня убедить.

Задержав дыхание, он сосредоточился на Люо Цзяхае, ожидая следующего хода. Однако тот снова повесил голову и замер.

Фан Му думал, что Люо Цзяхая нетрудно будет разговорить, и столь очевидное нежелание идти на контакт его удивило. Он собрался и решил сменить тактику.

³ Здесь и далее: события прошлого описываются в романе Лэй Ми «Профайлер».

– Шен Сянь красивая девушка, правда? – прикурил новую сигарету. Сквозь струйки дыма, убегающие к потолку, он ясно видел, как дрогнули у Люо Цзяхая плечи. Фан Му решил ковать железо, пока горячо. – Ты очень любишь ее, так ведь? И она, я уверен, тоже любит тебя.

Плечи у Люо Цзяхая теперь тряслись не переставая. Он дрожал всем телом, как осиновый лист.

Фан Му устремил взгляд куда-то в угол допросной и стал рассуждать, словно разговаривая сам с собой:

– Люди, которые любят белый цвет, отличаются внутренней чистотой. Они ведут честную и порядочную жизнь, и все вокруг них должно быть чистым и опрятным. – Он стряхнул пепел с кончика сигареты. – Мне думается, Шен Сянь помогала тебе стирать твою одежду и прибирать в комнате общежития. Я прав?

Внезапно рука Люо Цзяхая взметнулась вверх и пронеслась над столом, сбросив бутылку с минеральной водой, которая угодила прямоком в одностороннее зеркало. Раздался хлопок, и бутылка упала на пол.

– Заткнись!

Ни один мускул на лице Фан Му не пошевелился. Глаза Люо Цзяхая наполнились слезами, сероватые губы скривились.

Медленно и четко Фан Му произнес:

– Шен Сянь мертва. Это так?

Слезы хлынули у преступника по щекам. Он опустил голову и закрыл лицо ладонями; грудь его содрогалась от глухих рыданий.

Фан Му терпеливо ждал. Спустя несколько минут Люо Цзяхай немного успокоился, и Фан Му опять заговорил.

– И теперь эта девушка, которая всегда стремилась к чистоте и опрятности, обречена лежать где-то в грязи, пока ее тело медленно раздувается и становится уродливым. Оно гниет и воняет, на нем копошатся черви...

Люо Цзяхай, до этого лишь судорожно всхлипывавший, при этих словах опять начал рыдать.

Голос Фан Му был ровным и холодным, даже безжалостным:

– В той квартире ты сказал, что вы с Шен Сянь не хотели бы покинуть этот мир с грузом страшного преступления на душе. И я сомневаюсь, чтобы Шен Сянь согласилась бы лежать в таком отвратительном виде. Поэтому, – он сделал паузу, – скажи мне, где она? Обещаю, мы будем обращаться с ее останками уважительно.

Люо Цзяхай отчаянно закивал, но рыдания продолжали душить его, не давая произнести ни слова. Фан Му положил сигарету на край пепельницы и пристально поглядел на арестованного, стараясь не выдать волнения, хотя сердце у него в груди бешено колотилось.

Наконец слезы у Люо Цзяхая иссякли. Хватая ртом воздух, он пробормотал:

– Цзянбин, Красный парк. Там, возле палаточного рынка, есть заброшенная фабрика. Шен Сянь и Сан Наннан в мастерской на втором этаже.

Фан Му выдохнул с облегчением – очень тихо, чтобы Люо Цзяхай не заметил. Потом бросил взгляд на одностороннее зеркало. Наверняка Тай Вей уже звонит коллегам в Цзянбин.

Последние слова, казалось, высосали из Люо Цзяхая остаток сил. Он обмяк, закрыл руками лицо, и между пальцев у него опять покатались слезы.

Фан Му тоже чувствовал себя изможденным до предела. Он отдавал себе отчет, что человек, сидящий напротив, вероятно, убил двух девушек, но с виду это был совершенно типичный студент, неопытный и наивный. И хотя у него оставалось множество вопросов насчет пропажи девушек, Фан Му физически не мог продолжать разговор.

Он дал сигнал через одностороннее зеркало, и спустя мгновение дверь допросной распахнулась, впуская двух полицейских.

Фан Му встал.

– Отведите его обратно в камеру. Продолжим позже.

Полицейские, подчиняясь приказу, снова надели на Люо Цзяхая наручники и кандалы, потом подняли его и повели к двери. На пороге он внезапно обернулся и позвал через плечо:

– Офицер Фан!

Фан Му жестом показал полицейским ждать. На лице у Люо Цзяхая появилось умоляющее выражение, и он хрипло произнес:

– Когда найдете Шен Сянь... вы позволите мне... я смогу... увидеть ее в последний раз?

Несколько секунд Фан Му смотрел на него, а потом медленно кивнул.

Как только Люо Цзяхая увели, на Фан Му навалилась усталость. Он опустился на стул, вытащил из пачки очередную сигарету и уже собирался прикурить, когда перед ним возникла чья-то рука, щелкнуло колесико зажигалки и вспыхнул оранжевый огонек.

Фан Му прикурил – и только потом развернулся. Это был Тай Вей.

Он пододвинул себе стул и сел с ним рядом. Внезапно поглядел на Фан Му и рассмеялся.

– Похоже, кое-чему ты все-таки научился, парень.

Фан Му выпустил струю дыма и чуть заметно улыбнулся.

– Думаешь, они могут быть еще живы? – спросил офицер.

На миг Фан Му задумался, а потом покачал головой.

– Крайне маловероятно. Люо Цзяхай ведет себя как человек, который сжег все мосты.

Тай Вей вздохнул.

– Мне тоже так показалось.

– Тебе надо срочно возвращаться?

– Да нет. – Полицейский расслабленно откинулся на спинку стула. – Они так и так уже мертвы. Задержись я на денек-другой, это роли не сыграет.

Фан Му задушил сигарету.

– Тогда идем обедать. Я приглашаю.

* * *

Фан Му и Тай Вей сидели напротив друг друга в ресторанчике неподалеку от участка. Дождаясь, пока принесут еду, оба молча курили. Казалось, говорить было не о чем.

Первым нарушил молчание Фан Му:

– Ты женился?

Тай Вей отхлебнул чая. Потом вытер салфеткой рот и спросил:

– Откуда ты знаешь?

Фан Му улыбнулся и показал на левый безымянный палец: на коже осталась бледная полоска от кольца. Тай Вей заметно покраснел и потер след на пальце, словно пытаясь избавиться от него.

Фан Му ухмыльнулся:

– Твоя жена с характером. Но она очень тебя любит.

Тай Вей прищурился:

– Как догадался?

– Ну, ты снимаешь кольцо, когда уходишь на работу, и снова надеваешь, возвращаясь домой. Очевидно, ты до сих пор побаиваешься рассердить жену. Женщина, способная внушить страх человеку вроде тебя, должна обладать поистине выдающимися личностными качествами. – Фан Му рассмеялся. – Но это показывает также, что она очень ценит ваш брак – значит, любит тебя. Мои поздравления.

На лице Тай Вея появилось непривычно теплое выражение. Он усмехнулся:

– Она как малое дитя. Хочет, чтобы мы держались за руки даже во сне.

Очевидно потому, что поделился с Фан Му чем-то глубоко личным, Тай Вей вдруг ослабился и разговорился. Мужчина, заливавший в себя пиво стакан за стаканом и не выпускавший сигарету изо рта, снова стал похож на полицейского, который однажды на полном серьезе дал Фан Му пулю в качестве подарка.

В душе юноши возродились прежние дружеские чувства.

Пока они чокались и произносили тосты, он успел узнать, что Тай Вей не только женился, но и получил повышение, что Чжао Юнгуя сделали начальником участка, что несколько полицейских, работавших над делом Сун Пу, тоже продвинулись по службе, а еще кто-то лишился жизни.

Фан Му поведал Тай Вею, что сдал экзамены на государственную службу и теперь работает в Институте криминальной психологии при Департаменте общественной безопасности под руководством Бьян Пиня, тоже выпускника профессора Цяо.

Поскольку они давно не виделись, беседа вращалась в основном вокруг общих воспоминаний. Не все они были радостными, но тут уж ничего не попишешь. Помимо дела Сун Пу, у Фан Му и Тай Вея было немного общих тем.

– Иногда я приезжаю к общежитию в кампусе университета, иду на баскетбольную площадку, потом в спорткомплекс и в тот подвал. – Уже немного пьяный, Тай Вей посмотрелся в стекло ресторанного окна, но его профиль был почти неразличим в клубах дыма. – Я ничего не делаю, просто сижу там. Иногда мне кажется, что все, что случилось в тот год, – просто сон. Если б я не видел этого собственными глазами, просто не поверил бы, что человек может быть способен на такую жестокость... – Он рассмеялся. – Ты спас мне жизнь. А я, между прочим, так тебя за это и не поблагодарил.

Фан Му опустил голову и, немного помолчав, ответил:

– И не надо.

Тай Вею, похоже, тоже не хотелось об этом говорить. Он посмотрел в лицо Фан Му.

– А ты как? Похоже, неплохо устроился?

– Как сказать... Иногда работа ужасно скучная. Вообще-то изначально я хотел пойти в Департамент общественной безопасности, но Бьян Пинь настоял, чтобы меня перевели к нему.

Тай Вей фыркнул.

– Жалуешься, что нечем заняться? Попади ты в департамент, узнал бы, что значит работать на износ! – Он снова развернулся к окну, и лицо его помрачнело. – Ну, так или иначе, а ты все равно стал копом. Это из-за профессора Цяо?

Фан Му отпил из своей кружки и молча кивнул.

Тай Вей негромко вздохнул.

– На самом деле я до сих пор считаю, что работа в полиции тебе не подходит.

Фан Му криво улыбнулся и взял себе новую сигарету.

– Не думал сменить профессию?

– Никогда! – На этот раз ответ Фан Му был решительным и однозначным.

– Никогда, – повторил за ним Тай Вей.

Фан Му знал: тот прекрасно помнит, что он ответил в прошлый раз. Ответ остался прежним, только вот вопрос был другой. И никто не смог бы сказать, чья тут вина – Тай Вея или бледного парня с пронзительным взглядом, недавно сидевшего напротив него.

Тай Вей постарался немного смягчить тон:

– В будущем, если представится такая возможность, все-таки попробуй.

Несколько секунд Фан Му молчал. Потом вдруг вздернул голову и спросил:

– Когда ты пришел к выводу, что я не смогу стать копом?

Тай Вей смерил его глазами.

– Там, в подвале.

– О? – Брови Фан Му взлетели вверх, и он слабо усмехнулся: – Может, донесешь на меня?

Тай Вей, не сдерживаясь, рассмеялся.

– Нет. Ни за что. Но по той же причине я никогда не поверю, что ты способен быть хорошим копом.

– А что это вообще такое, хороший коп?

Тай Вей задумался. Помолчав некоторое время, сказал:

– Сам не знаю. Но это точно не ты. Ты не можешь эмоционально не вовлекаться в дело, вкладываешь в него слишком много себя. И, если законными путями действовать не удастся, прибегаешь к собственным методам. – Он сделал паузу. – Вчера я узнал, что ты едва не схлопотал пулю из-за Люо Цзяхая.

Пока он говорил, Фан Му сидел, не поднимая головы. Но теперь стряхнул пепел с сигареты и ответил:

– В моих методах нет ничего плохого.

Тай Вей покачал головой.

– Когда-нибудь ты напрочишься, и тебя убьют.

Ни с того ни с сего Фан Му расхохотался.

– Но пока-то я жив, верно? – Не дожидаясь ответа Тай Вея, он поднял кружку. – Хватит разговоров! Давай выпьем.

* * *

Встреча закончилась тем, что два приятеля крепко надрались. Когда они, пошатываясь, вернулись назад в участок, туда уже поступили новости из Цзянбина. Тела Шен Сянь и Сан Наннан нашли именно там, где указал Люо Цзяхай. По предварительному заключению, обе скончались от потери крови. Разница заключалась в том, что Шен Сянь перерезали артерию на руке, а Сан Наннан нанесли более двадцати ударов ножом. Более подробно обстоятельства смерти предстояло выяснить в ходе судебно-медицинской экспертизы. Между участком и криминальной полицией Цзянбина возник спор, кому вести дело – каждая сторона считала, что основное преступление совершено в ее юрисдикции. Наконец, они пришли к соглашению: Тай Вей и его люди вернутся в Цзянбин, а решение о юрисдикции будет вынесено после сбора первичных доказательств.

Прежде чем усадить Тай Вея в машину, Фан Му ткнул пальцем в след от кольца на его руке. Тот, с похмельными глазами, отмахнулся, и Фан Му не понял, дошел до него намек или нет.

Когда внедорожник Тай Вея скрылся за углом, Фан Му молча постоял, наблюдая за тем, как облако пыли, поднятое его колесами, лениво плывет по воздуху. Потом развернулся, и глазам его предстала сияющая в закатном солнце полицейская эмблема на дверях здания. Фан Му потер рукой лоб, вглядываясь в нее: ему показалось, что эмблема почему-то увеличивается в размерах. Постепенно она разрослась до того, что заслонила собой все небо.

«И что же, я правда не гожусь в полицейские?»

Глава 3

Сострадание

Ян Чжинсен с трудом разогнул спину над рабочим столом и попытался потянуться, но помешала боль в шее. Он снова сгорбился и несколько секунд бессмысленно смотрел в пустой монитор. Потом поднял кружку с остывшим чаем и допил его одним глотком.

Разглядывая пустую кружку, оттягивавшую руку вниз, он прикинул ее ценность и, соответственно, уникальность для института и непроизвольно улыбнулся. Затем встал и несколько раз прошел от стены до стены кабинета. Оказавшись возле двери, автоматическим жестом открыл ее и вышел в коридор.

Выражение предельной усталости тут же исчезло с его лица, и он стал хорошо всем известным директором Ян – терпеливым, но коварным, острым на язык, почтенным и уважаемым.

Медленно прошел по богато отделанному коридору. Его неторопливость объяснялась не возрастом, а желанием производить впечатление человека собранного и спокойного. Проходившие мимо сотрудники кланялись и спешили дальше. На ходу Ян Чжинсен заглядывал через стеклянные стены в офисы по обеим сторонам коридора. Несмотря на время, половина девятого вечера, в большинстве из них горел свет и персонал продолжал корпеть над своими задачами. Ян Чжинсену это зрелище доставило искреннее удовольствие; он чувствовал себя армейским сержантом, который осматривает строй новобранцев, наслаждаясь превосходством над ними.

Пройдя мимо нескольких офисов, похлопав по плечу нескольких сотрудников и получив несколько комплиментов, Ян Чжинсен неторопливо вернулся к себе. Сел в самое большое и удобное кресло во всем институте, и усталое выражение опять проступило у него на лице. Некоторое время он сидел в бездействии, сгорбив спину, а потом занес затекшую от долгой неподвижности руку над рабочим столом.

Пальцы коснулись компьютерной мыши, и монитор автоматически включился, издав приглушенный треск. Лицо Ян Чжинсена озарил белый свет. Он безразлично смотрел в экран, который становился все ярче, пока внезапная мысль не заставила его выпрямить спину и щелкнуть на иконку «Мой компьютер», а оттуда перейти к жесткому диску. В несколько кликов он открыл папку, похороненную глубоко в недрах файловой системы. Обвел взглядом пустой кабинет, хотя в проверке и не было нужды, и быстро вбил пароль. Потом наклонился к монитору, весь подобрившись. Легкая улыбка осветила его лицо. От уголков губ она поднялась к щекам и выше, до самых бровей, каждый волосок которых, казалось, затрепетал от радости.

Он пролистывал документы один за другим и каждый раз, заканчивая читать, уже предвкушал, как перейдет к следующему. Словно играл в кошки-мышки с самим собой, спрашивая раз за разом: «Ну не прелесть ли?» И старательно заставлял себя забывать иллюстрации и фрагменты текста, прочно засевшие у него в мозгу, чтобы, открывая следующий файл, воскликнуть с обманчивым восторгом: «Надо же! Даже еще лучше!»

Эта игра никогда не надоедала Ян Чжинсену. Он считал ее своим призванием, своей сутью, и добрая половина его жизни строилась вокруг нее.

* * *

В половине одиннадцатого вечера серебристая «Хонда» Ян Чжинсена плавно свернула в «Парк мудрецов». Это был дорогой жилой квартал, где, как подразумевало название, проживали в основном ведущие ученые. Ян Чжинсен припарковал машину и быстро зашагал к

своему подъезду. За несколько шагов он заметил крошечную фигурку на ступенях крыльца. Мысленно выругавшись, еще успел подумать, чей это может быть ребенок и почему он на улице в такое время, но тут сработал датчик движения и над крыльцом загорелся свет.

Ян Чжинсен застыл на месте. Это что, его сын? Ян Чжан?

Он подошел поближе и тронул мальчика за плечо.

– Эй, почему ты сидишь здесь?

Ян Чжан сонно приподнял голову и долго смотрел на Ян Чжинсена, прежде чем осознал, что перед ним его отец. Ян Чжинсен подхватил мальчика под мышки и поднял со ступенек. Поискав в кармане ключи, спросил:

– Свои, я так понимаю, ты опять потерял?

Ян Чжан кивнул, потирая глаза костяшками пальцев. Лямки рюкзака сползли и мешали мальчику поднять руки, поэтому он низко наклонил голову. Ян Чжинсен поправил рюкзак, резко поддернув лямки сыну на плечи. Ян Чжан пошатнулся и едва не упал, но сразу выпрямился и покорно последовал за отцом к лифту.

В апартаментах на восемнадцатом этаже Ян Чжинсен снял обувь, бросил пиджак на диван и уже собирался что-то сказать, как зазвонил домашний телефон.

Выругавшись себе под нос, он поднял трубку:

– Алло? Да, это отец Ян Чжана... А, добрый вечер, господин... Что? Сколько, вы говорите, стоил рюкзак вашего сына?.. Да-да, я понял. Я разберусь... Прошу нас простить. Я непременно зайду к вам лично принести извинения. До свидания.

Ян Чжинсен повесил трубку и громко крикнул:

– Ян Чжан!

Мальчик медленно вошел в двери гостиной. Он до сих пор не переоделся, даже не снял рюкзак и ботинки. Но прятаться от отца вроде не собирался.

Ян Чжинсен поднял сына и осторожно переставил в самый центр комнаты. Снял с него рюкзак и повертел в руках.

Рюкзак был самый обыкновенный – с надписью «Ультра», отпечатанной неоновыми буквами. Дешевая ткань истрепалась на швах, на ней пестрели чернильные пятна разных форм и размеров.

– Это твое? – Ян Чжинсен потряс рюкзаком, так что книги и пенал внутри загремели.

Ян Чжан не отвечал, стоя с опущенной головой.

– Говори! Твое или нет? – Ян Чжинсен толкнул мальчика в плечо.

– Нет, – тихо произнес сын.

– Зачем ты заставил другого поменяться с тобой рюкзаками? А? Ты хоть знаешь, сколько стоил твой? А этот? – Ян Чжинсен в ярости швырнул рюкзак на пол. – Да что с тобой такое?

Внезапно Ян Чжан поднял подбородок. Лицо его было спокойным – он даже улыбался.

– А мой рюкзак ты узнал бы?

Ян Чжинсен остолбенел. Взревев, он занес руку и залепил сыну увесистую пощечину.

От удара легкое тело Ян Чжана завалилось набок, и он с громким стуком упал на пол. Разъяренный, Ян Чжинсен наклонился и за рукав дернул его вверх, собираясь ударить снова.

Из носа и разбитой губы Ян Чжана текла кровь. Он слабо отбивался, выгибая шею, а потом крикнул, глядя на стену гостиной:

– Мама! Mamочka!

Жалобный голос заставил Ян Чжинсена замереть с занесенной для удара рукой. Непроизвольно он перевел взгляд на стену. Жена смотрела на них с портрета в черной рамке, и в ее глазах ему почудилась мольба.

Мужчина ослабил хватку, и Ян Чжан повалился на пол. Он свернулся в клубок и продолжал тихонько плакать, бормоча:

– Mamочka... Mamочka...

Ян Чжинсен стоял над ним с беспомощно повисшими руками, ловя воздух ртом. Когда он снова смог нормально дышать, то указал сыну на его спальню:

– Иди к себе! Сегодня останешься без ужина.

Ян Чжан неловко поднялся с пола, прошел к себе в комнату и захлопнул дверь.

* * *

Ян Чжан сидел тихонько, не включая свет изредка оглашая темноту сдавленными всхлипами. Постепенно он перестал плакать, слезы на острых скулах подсохли. Он тихонько потрогал горящее лицо, на котором уже проступали выпуклости – следы отцовских пальцев.

Мальчик был спокоен – он не казался ни напуганным, ни сердитым. Он продолжал ощущать след пощечины и прислушиваться к звукам из гостиной.

Наконец там заскрипел диван, с которого встал отец. Раздались тяжелые шаги в сторону спальни, потом хлопнула дверь, и все стихло.

Ян Чжан не шевелился. Просто сидел, внимательно слушая, пока не стало ясно, что отец спит. Тогда он соскользнул с кровати на пол и забрался под нее. А мгновение спустя вылез наружу, держа в руках небольшую металлическую коробочку. Сел, прислонившись к кровати спиной, и откинул крышку. Внутри лежали припасы – остатки разной еды. Там было несколько кусков хлеба, раскрошенное рисовое печенье, половина сосиски, начатая упаковка крекеров и несколько стаканчиков пудинга. При свете луны, лившемся в окно, мальчик покопался в коробочке, что-то достал оттуда и положил в рот. Он жевал не медленно и не быстро – размеренно, неотрывно глядя в угол комнаты.

Покончив с едой, Ян Чжан вернул коробочку на прежнее место под кроватью, стряхнул с себя пыль и стал готовиться ко сну. Раздеваясь, нащупал что-то твердое в кармане куртки. Вытащил оттуда ключи на связке, разложил их на ладони, немного с ними поиграл, а потом подошел к окну и широко его распахнул.

Прохладный ночной воздух освежил разгоряченное лицо. Мальчик сделал глубокий вдох, размахнулся и швырнул ключи в темноту. Высунулся из окна, но внизу было черным-черно, и он не смог ничего разглядеть. Мгновение спустя до него донесся тихий звон. Слегка разочарованный, Ян Чжан бесцельно таращился в ночь. В нескольких квартирах в здании напротив еще горел свет; сквозь занавески на окнах видны были люди, ходящие взад-вперед.

На лице у мальчика появилась слабая улыбка. В одном белье он забрался на подоконник и сел, обхватив себя руками, в молчании наблюдая за светящимися окнами.

* * *

Спор о юрисдикции над делом решился быстро. Полиция Цзянбина отозвала свои права, предоставив полиции Чанхона заниматься сбором доказательств и передачей дела в суд. Когда Фан Му узнал об этом, то сказал Бьян Пиню, что хочет участвовать в процессе. Капитан дал согласие.

По мнению Фан Му, мотивы Люо Цзяхая так и остались невыясненными. В деле имелись три жертвы; при этом смерть Шен Сянь являлась, скорее всего, самоубийством, а Сан Наннан и Цин Юмей убил Люо Цзяхай. Сан Наннан получила более двадцати ударов ножом, Цин Юмей также была зарезана. На первый взгляд все выглядело так, будто оба убийства совершены из ненависти. Но каков был глубинный мотив, заставивший Люо Цзяхая убить двух разных людей в двух разных местах? Что за запах, о котором он упоминал? И если этот запах связан с сексом, то каким образом?

Фан Му получил доступ к досудебным материалам из полицейского участка. Они подтверждали, что с момента ареста Люо Цзяхай не отрицал факт совершения им преступлений, но говорить о мотиве отказывался. Отсюда следовал вывод, что он решительно настроен умереть – за такие преступления всегда выносят смертный приговор. Тем не менее по китайскому уголовному законодательству, если действия со стороны жертвы привели к преступлению на почве страсти, казнь может быть отложена, а это означает пересмотр дела через два года принудительных работ. И если у убийств, совершенных Люо Цзяхаем, была какая-то значимая причина, он намеренно лишал себя последнего шанса избежать смерти.

Фан Му понимал, что добиться правды от человека, готового умереть, будет очень и очень нелегко, но все равно хотел попробовать. Кроме того, у них с Люо Цзяхаем был кое-какой уговор.

* * *

Все улики по делу были перевезены в Чанхон, включая тела двух жертв. В тот день, когда Люо Цзяхая доставили в морг для опознания останков, Фан Му находился там же. Он стоял в дверях и наблюдал за тем, как двое полицейских сопровождают заключенного внутрь.

Люо Цзяхай шел, спотыкаясь, поскольку ноги у него были скованы. На пороге морга из глаз у него полились слезы. Он нашел взглядом Фан Му и дрожащими губами пробормотал что-то вроде благодарности.

Фан Му стало неловко. На самом деле он не исполнил своего обещания устроить Люо Цзяхаю последнее свидание с Шен Сянь; сегодняшнее посещение морга было лишь частью рутинной процедуры опознания тел. Глядя, как двое полицейских заводят Люо Цзяхая в морг, Фан Му на мгновение задумался, а потом отозвал одного из них в сторону.

– Когда закончите с опознанием, дайте ему немного задержаться там – с условием, что он не будет прикасаться к трупам.

Довольно долго в морге было тихо; из-за дверей доносились лишь приглушенные рыдания. Полицейский проявил неожиданную снисходительность и дал Люо Цзяхаю целых пятнадцать минут, прежде чем вывести его. Тот появился на пороге с лицом, выражавшим одновременно скорбь и облегчение. Утерев нос рукавом, прошел прямо к Фан Му и отрывисто бросил:

– Поговорим?

Несколько секунд юноша смотрел ему в глаза, потом ответил:

– Ладно.

– Но у меня есть условие.

Фан Му кивнул:

– Говори.

– Беседа с глазу на глаз, никакой аудио- или видеозаписи. И вы не разгласите того, что я вам скажу. Никому.

– Хорошо. Это нетрудно устроить.

Чтобышний раз не волновать Люо Цзяхая, Фан Му распорядился отвести его не в допросную, а в небольшой кабинет для совещаний на третьем этаже. Они подождали, пока придет лифт, и когда двери уже раздвигались, Фан Му услышал за спиной торопливые шаги.

– Погодите!

К ним спешил мужчина средних лет с портфелем в руках. Фан Му, Люо Цзяхай и полицейский из сопровождения еще не зашли в лифт, когда мужчина их окликнул. Фан Му подумал, что тот собирается ехать с ними, и нажал на кнопку удержания дверей.

Мужчина зашел в кабину и сказал, вопросительно глядя на Люо Цзяхая:

– Простите, вы господин Люо Цзяхай?

– Я... да... А что?

Выдохнув с облегчением, мужчина утер вспотевший лоб тыльной стороной ладони и достал из портфеля удостоверение адвоката.

– Я Чжан Десянь, юрист из фирмы «Хенгда». Я услышал о вашем деле и хочу предложить адвокатские услуги.

Надо же, корпоративный защитник! Фан Му это показалось одновременно смешным и странным. Он слышал об этом человеке: Чжан Десянь считался востребованным адвокатом, и у него наверняка и без того было немало дел. С какой стати ему браться за такой незначительный случай, как этот?

В юридической профессии действует неписанный закон: адвокаты, только начинающие карьеру, стараются урвать несколько громких уголовных процессов, желательно с вероятностью смертного приговора, чтобы сделать себе имя в случае победы. Но Чжан Десяню не нужно делать себе имя – тем более такими методами.

Люо Цзяхай горько вздохнул.

– Спасибо, но вы побеспокоились напрасно. Адвокат мне не нужен.

– Обязательно нужен! – твердо возразил Чжан Десянь. – По правилам, во всех процессах, где имеется вероятность смертной казни, обязательно должен...

От слов смертная казнь Люо Цзяхай вздрогнул. Лицо его стало суровым.

– Прощу прощения, но я не нуждаюсь в ваших услугах. И у меня нет денег, чтобы вам платить.

– Что вы, никаких денег. – Чжан Десянь замахал руками. – Я буду защищать вас бесплатно. Поверьте – я смогу спасти вам жизнь.

– Вы мне не нужны!

– Приятель, не лишайте себя последнего шанса. Подумайте о семье; подумайте о вашей дев...

Упоминание семьи и девушки заставило Фан Му усомниться в профессионализме Чжан Десяня – говоря о них с человеком, обреченным на смерть, он фактически сыпал соль на открытую рану. Люо Цзяхай отреагировал незамедлительно:

– Убирайся к черту!

Забыв о том, что у него скованы ноги, он попытался наброситься на Чжан Десяня, но с первым же шагом рухнул на пол. Перепуганный адвокат отшатнулся; лицо у него стало белым как мел.

Полицейский, охранявший Люо Цзяхая, навалился на него, прижав к полу. Тот продолжал отбиваться и выкрикивать ругательства:

– Убирайся! Вали отсюда к чертовой матери! Не думай, что сможешь прославиться за мой счет! Проваливай, немедленно!

Казалось, он не успокоится, пока не вырвет кусок плоти из ноги адвоката.

Еще несколько полицейских подоспели на помощь. Заметив, как один из них выхватил дубинку, Чжан Десянь подскочил к нему и закричал:

– Предупреждаю всех: не применять силу к моему клиенту! Если вы посмеете...

Одной рукой Фан Му показал полицейскому убрать дубинку, а второй бесцеремонно отодвинул Чжан Десяня с дороги.

– Он не ваш клиент, так что замолчите.

Люо Цзяхая быстро усмирили. Один из полицейских, усевшись на него сверху, поднял голову и обратился к Фан Му:

– Простите, офицер Фан, но, думаю, его придется увезти назад.

Фан Му оставалось только согласиться – разговаривать сейчас не имело смысла. Он неохотно кивнул и дал охране сигнал везти Люо Цзяхая обратно в следственный изолятор. Понаблюдав за тем, как двое полицейских выводят обвиняемого из здания, Фан Му обернулся и увидел Чжан Десяня, который также смотрел в сторону дверей. Наверное, он почувствовал

на себе взгляд Фан Му, потому что сразу обернулся. Их глаза встретились, и Фан Му заметил на лице адвоката странный проблеск, еще не успевший исчезнуть. Мгновение спустя он снова стал профессионально отстраненным и холодным.

Кивнув Фан Му, Чжан Десянь развернулся и пошел прочь.

Юноша подумал, что ему больше незачем оставаться в участке, и тоже направился к выходу.

На ступенях он заметил черную «Ауди А6», которая пронеслась мимо него. За рулем сидел Чжан Десянь. Машина напоминала стремительную черную акулу, мчащуюся в нескончаемом плотном дорожном потоке. Вздохнув, Фан Му пошагал к своему внедорожнику, завел машину и долго сидел не шевелясь, пока мотор работал вхолостую. Внезапно он понял, что за проблеск мелькнул в глазах Чжан Десяня. Это было чувство, которое редко заметишь у профессионального адвоката.

Сострадание.

Глава 4 «Дом ангелов»

Широко улыбаясь, учитель Чжоу взял у Фан Му из рук большие бумажные пакеты.

– Надо же, сколько ты накупил!

Юноша залился краской.

– Я толком не знал, что брать... – Он поглядел, как учитель Чжоу разворачивает новенькие джинсы. – Надеюсь, Яфан они понравятся.

– Хм... Ты справился гораздо лучше, чем если бы выбирал я. – Учитель Чжоу сложил одежду обратно в пакеты. – Яфан определенно в том возрасте, когда внешний вид имеет значение. Но на будущее: лучше не балуй ее так. Не стоит возвращать в детях тщеславие.

Фан Му кивнул:

– Хорошо.

– Яфан скоро вернется. Хочешь сам ей их подарить?

Фан Му закрутил головой:

– Нет-нет, отдайте вы.

– Я? Ну, это будет не совсем уместно... – Учитель Чжоу взвесил пакеты на руке. – Она умная девочка и сразу поймет, что вещи покупал не я. Сестра Чжао! Сестра Чжао!

Сестра Чжао направилась к ним, стряхивая с ладоней мыльную пену.

– Что случилось?

– Передайте это Ляо Яфан. Скажите, что купили ей одежду. Только не отдавайте всё сразу, лучше в несколько заходов.

Сестра Чжао подошла поближе и заглянула в пакеты, а потом подняла глаза на Фан Му и засмеялась.

– Офицер Фан, у меня руки мокрые. Помогите отнести их ко мне в комнату.

Юноша покорно взял пакеты и пошел следом.

Комната сестры Чжао оказалась небольшой. Окна не выходили на солнечную сторону, и внутри было темно. Войдя, Фан Му сразу почувствовал запах дыма. Обвел комнату глазами и поставил бумажные пакеты на узкую кровать.

Комната казалась тесной и предельно скромной: там помещались лишь кровать, комод и стол с двумя стульями. На комод горели две лампадки, а между ними – курильница с благовонными палочками. В курильнице скопилась горка пепла, но несколько палочек еще продолжали гореть, и дым от них лениво плыл вверх. К стене была прислонена фотография улыбающегося мальчика в черной траурной рамке.

Фан Му подошел ближе и вгляделся в лицо на снимке. Мальчику было лет десять. В его взгляде читались одновременно смущение и попытка выглядеть старше своего возраста. Уголки губ изгибались в задорной улыбке: судя по всему, фотографию делал кто-то из родных – возможно, сама сестра Чжао.

– Это ее сын.

Учитель Чжоу незаметно подошел и встал у него за спиной. Теперь они вдвоем смотрели на фотографию.

Фан Му оглянулся на дверь и тихонько спросил:

– Сколько... сколько ему было лет?

– Восемь.

– Болезнь?

– Нет. Самоубийство.

Фан Му был потрясен.

– Самоубийство?

Учитель Чжоу медленно кивнул, не сводя глаз со снимка. Потом тяжело вздохнул и достал из ящика комода новые благовонные палочки. Поджег их, поднеся к лампадке, и воткнул в курильницу. Дым, успевший немного развеяться, снова окутал комнату.

* * *

Ближе к вечеру учитель Чжоу опять попытался уговорить Фан Му остаться на ужин. На этот раз юноша не стал отказываться – даже вызвался помочь сестре Чжао чистить картошку. Поначалу та смутилась и не позволила, но он настоял. Правда, после трех картофелин сестра Чжао запретила ему продолжать.

– Вы срезаете столько картошки, что хватит еще на один ужин!

Фан Му не осталось другого выбора, кроме как переключиться на другую работу, чисто техническую, – мыть картофелины.

– Кстати, а почему вы так часто едите картошку? – Фан Му по одной кидал вымытые картофелины в раковину, и дно уже было покрыто ими в два слоя.

– Просто она самая дешевая. – Сестра Чжао собрала волосы руками в хвост. – Старый Чжоу купил большой участок земли под приют, и теперь мы на грани банкротства. Благотворительных пожертвований поступает мало, а регулярной денежной помощи – ну, как от вас, – и того меньше. С таким количеством детей, которых надо одевать, учить и лечить, приходится экономить буквально на всем, понимаете?

– Да, конечно. – Юноша кивнул. – Наверное, учителю Чжоу приходится нелегко... – Он обвел кухню глазами и шепнул сестре Чжао на ухо: – И почему я никогда не вижу здесь его жену?

– О, я тоже спрашивала его! Старый хитрец никогда не был женат; всю жизнь прожил холостяком.

– Что? – Фан Му невольно проникся восхищением. – Значит, он посвятил себя целиком этим детям?

– Да, он удивительный человек!

Она выглянула во двор. Учитель Чжоу сидел на корточках посреди цветочной клумбы. Перед ним стояла маленькая девочка и горько плакала, прижав к щекам кулачки. Учитель Чжоу гладил ее по голове и говорил что-то утешительное, а малышка кивала ему в ответ.

– Он умеет наставить других на правильный путь. С какой проблемой к нему не приди, на душе становится легче. – Сестра Чжао повернулась обратно; голос ее стал мягче. – Встретить на своем пути такого человека, получить шанс работать с ним бок о бок – думаю, мне надо было совершить нечто выдающееся в прошлой жизни, чтобы это заслужить.

Фан Му улыбнулся и тоже посмотрел на учителя Чжоу. Половина солнечного диска уже скрылась за горизонтом. Учитель сидел к солнцу спиной, и его профиль испускал золотистое свечение на фоне подступающих сумерек. Малышка перестала плакать, и ее личико в потеках слез озарилось улыбкой.

Внезапно в дверях кухни показался девичий силуэт. Это была Ляо Яфан в новых джинсах. При виде постороннего решительность на ее лице тут же исчезла, а когда она поняла, что мужчина, моющий картошку в раковине, – Фан Му, удивленно ахнула, развернулась и выскочила в коридор.

Сестра Чжао рассмеялась.

– Она слишком застенчивая.

Очень скоро Ляо Яфан вернулась, но уже не в джинсах, а в стареньких спортивных брюках. Не сказав ни слова, отобрала у Фан Му картошку и сама стала ее мыть, не поднимая головы.

Юношу снова охватила неловкость. Он ополоснул руки, немного потоптался на кухне и наконец вышел во двор. Но, прежде чем уйти, услышал шепот Ляо Яфан:

– Большое спасибо, сестра Чжао.

* * *

Количество ребятишек во дворе как будто увеличилось в несколько раз. Они были худенькие, в самой скромной одежде, но беззаботное выражение на их лицах было таким же, как у тех, кто растёт с матерью и отцом. Наступал самый оживлённый момент дня: дети, только что вернувшиеся из школы, выплескивали нерастратченную энергию. Те, кому инвалидность не позволяла покидать приютский двор, не отставали от них – они приветствовали возвращающихся товарищей громкими криками и песнями с энтузиазмом, скопившимся за целый день. Все вокруг смеялись, визжали и гонялись друг за другом по двору.

Фан Му сидел на оградке цветочной клумбы, рассеянно покуривая сигарету и ощущая неизъяснимое чувство покоя. Взгляд его скользил по ребятишкам, пробегавшим мимо; обоняние улавливало запах пыли, которую они взбивали ногами. Ему вспомнилось, как он сам в детстве обожал возиться в пыли и грязи с другими детьми. Удивительно было, что даже в наше время интернет-кафе и игровых автоматов обычный бег может доставлять детям столько радости.

Он заметил, что какой-то малыш смотрит на него с другой стороны клумбы. Судя по припухшим векам и расфокусированному взгляду, ребенок был умственно отсталым.

Когда мальчик понял, что Фан Му глядит на него в ответ, он громко рассмеялся, поднял пухлую ладонь и изо всех сил замахал ею.

Фан Му улыбнулся и помахал в ответ. Мальчик, вдохновившись, замахал снова.

Так повторилось еще несколько раз, пока Фан Му не сообразил, что малыш пытается поиграть с ним в «камень-ножницы-бумагу» и что у мальчика всего по два пальца на каждой руке. Фан Му помедлил мгновение, а потом поднял вверх ладонь с сомкнутыми пальцами, что должно было означать «бумага».

От этого обладатель «ножниц» пришел в восторг; с каждой новой победой его рот все шире растягивался в торжествующей улыбке. Он даже проковылял несколько шагов к клумбе и сделал что-то вроде прыжка на одной ноге, продолжая игру, в которой его соперник раз за разом неизменно показывал «бумагу».

Небо темнело, и постепенно руки ребенка становилось сложнее различать за тенью от цветов. Вскоре Фан Му уже практически их не видел, а только слышал радостное хихиканье умственно отсталого мальчугана.

Внезапно он ощутил еще чье-то присутствие, обернулся и увидел, что Ляо Яфан стоит в нескольких шагах от него и молча наблюдает за игрой.

Мгновение спустя она негромко сказала:

– Пора за стол.

* * *

Ужин был простой: вареная капуста с тофу, жареный картофель, соус чили и рис. Фан Му сидел рядом с учителем Чжоу, напротив него расположилась Ляо Яфан. Она ела медленно, поскольку держала на руках годовалого малыша-инвалида и одновременно кормила еще и его. Прислонив его головку к своей груди, правой рукой подносила ему ложку, а в левой держала носовой платок, чтобы утирать остатки супа, вытекавшие у него изо рта. Каждый раз, когда малыш глотал, Ляо Яфан пользовалась возможностью зачерпнуть немного риса или супа для себя.

Похоже, согласие Фан Му остаться на ужин сильно обрадовало учителя Чжоу. Ему хотелось как-то возместить гостю простоту уютского угощения, и он налил им по рюмочке водки.

Водка была вкусная; даже Фан Му, не разбиравшийся в дорогом алкоголе, с каждым глотком ощущал ее мягкость и округлость. Заметив, как юноша одобрительно причмокивает губами, учитель Чжоу рассмеялся и сказал:

– Это «Улянъэ».

– Никогда в жизни не пил такой удивительной водки!

– Тогда давай налью тебе еще.

– Нет, спасибо, – быстро ответил Фан Му, отводя его руку, – мне потом за руль. Да и вам лучше приберечь ее для каких-нибудь важных гостей. Не стоит расходовать дорогой продукт на бездельника вроде меня.

Учитель Чжоу поднял рюмку обеими руками и отпил немного. Подержал водку во рту и только потом проглотил.

– О, – медленно выдохнул он, наслаждаясь вкусом. – Были времена, когда я пил «Улянъэ» как воду, абсолютно не ценя ее вкус... – повертел рюмку в пальцах. – Теперь у меня редко выдается такая возможность, и я стараюсь всякий раз насладиться этой мягкостью. Кажется, лучшее в послевкусии – это момент, когда оно исчезает.

Сестра Чжао усмехнулась с набитым ртом.

– Наверное, вы не ценили ее так, когда у вас была куча денег, правда?

– Правда, – подтвердил учитель Чжоу с улыбкой. Поставив рюмку на стол, поднял глаза к потолку. – Сейчас, вспоминая об этом, я думаю, что был ужасным мотом.

– Дедушка Чжоу! – Маленький мальчик вытащил из своей чашки с супом кусок мяса и теперь заталкивал его в рот. – А вы были очень богаты?

– Да, очень.

– Сколько у вас было денег?

Учитель Чжоу рассмеялся и раскинул в стороны руки.

– Вот столько.

– А вы когда-нибудь летали на самолете? – спросил другой ребенок, девочка.

– Конечно, летал.

– Здорово было?

– Здорово. Но в первый раз, когда я оказался в самолете, то перепугался до полусмерти.

Такой огромный, весь из стали – и вдруг он вздрагивает, разгоняется и взлетает в воздух! Помню, я подумал тогда: если эта штука упадет, мне крышка.

Дети захихикали.

– Значит, вы и за границей были? – спросила еще одна девчушка.

– Да, был.

– И в Америке?

– И в Америке.

– В Америке хорошо? Учительница в школе говорила, что очень хорошо.

– Это правда, там хорошо. Но я предпочитаю нашу страну.

– Почему?

– Потому что вы, дорогие мои, здесь, а не в Америке!

Учитель Чжоу нажал указательным пальцем на носик девочки. Она наморщила переносицу и засмеялась.

– Расскажите про границу, дедушка Чжоу!

– А что рассказывать? Граница как граница.

– Расскажите... Расскажите... – начали распевать в унисон дети.

Под направленными на него взглядами десятка пар глаз учитель Чжоу смягчился:

– Ну ладно. Расскажу вам про университет, где был студентом. Он называется Гарвард – это один из лучших университетов в мире. В мое время мы занимались в большущем белом замке, самом высоком здании в округе...

Дети слушали его с широко распахнутыми глазами, и внимательнее всех – Ляо Яфан. Она даже забыла о ребенке, которого держала на руках, и перестала вливать ему в рот суп. Лицо ее порозовело, а в глазах появилось мечтательное выражение с примесью легкой зависти.

Фан Му подумал, что она уже совсем взрослая и все понимает.

Ляо Яфан не могла не сравнивать свою жизнь с тем раем, который описывал учитель Чжоу, а фантазии в ее возрасте еще оставались сильны. Реальность, однако, беспощадно напоминала о себе. Фан Му перевел глаза с лица Ляо на ее старые, потертые спортивные брюки, и сердце у него сжалось.

Малыш у нее на руках возмущенно закричал. Пробудившись от мечтаний, Ляо Яфан поспешно сунула ему в рот ложку супа, и от такой внезапности он подавился. Закашлялся, во все стороны полетели брызги, и учитель Чжоу, прервав свой рассказ, жестом показал сестре Чжао забрать малыша. Когда Ляо Яфан передавала его, глаза ее были по-прежнему прикованы к учителю Чжоу, словно она надеялась, что он продолжит.

Однако учителя Чжоу больше волновал младенец. Когда он выплюнул наконец кусочек тофу и перестал кашлять, учитель уже утратил нить повествования и просто велел всем скорей доедать. С разочарованным лицом Ляо Яфан медленно проглотила оставшиеся у нее в тарелке рис и овощи.

После ужина учитель заварил еще чайник чаю и предложил Фан Му немного посидеть во дворе. Ребятишки разбежались – кто делать домашнее задание, кто играть. Ляо Яфан сложила в таз грязную посуду и пошла следом за сестрой Чжао на кухню.

Чай тоже был высокого качества. Попивая его, Фан Му пытался представить себе, как жил учитель Чжоу раньше и чем занимался. Вероятно, из-за водки, выпитой за ужином, он стал более разговорчивым, нежели обычно.

– Если в будущем дела наладятся, я построю здесь библиотеку... а вон там – отдельный домик для девочек. – Он обвел рукой дворик, словно уже видел в нем новенькие аккуратные постройки.

Фан Му улыбнулся и продолжал слушать, не перебивая.

Учитель Чжоу еще немного поговорил, а потом вдруг усмехнулся:

– Кажется, я просто мечтаю вслух, – потряс головой. – Я буду рад, если эти дети просто выучатся и поправятся достаточно, чтобы стать нормальными членами общества.

Фан Му обдумал его слова.

– Вы ведь кучу денег потратили на этот приют, да?

– Угу. Вложил сбережения всей своей жизни.

Фан Му прикинул в уме: участок площадью около восьми соток плюс двухэтажное здание сами по себе стоили немало. Добавить сюда еще расходы на содержание детей – еду, одежду и все прочее – даже если учитель Чжоу был очень богат, вряд ли у него много осталось.

– Почему не обратиться за социальной помощью?

– Многие люди хотели сделать благотворительные взносы в мой приют. Но я не соглашался, потому что всем им, без исключения, требовалась реклама. Они являлись с деньгами в одной руке и видеокамерой в другой.

– Но если, – Фан Му старался осторожно выбирать слова, – они могли разрешить кое-какие практические затруднения, то дать им возможность слегка покрутиться – не слишком высокая цена.

– Нет, – ответил учитель Чжоу тихо, но твердо. – Они хотят, чтобы дети принимали их подношения со смиренным и почтительным видом. Я не позволю, чтобы мои дети росли с

ощущением собственной неполноценности перед другими людьми. – Он развернулся лицом к Фан Му. – Уверен, ты знаешь, как сильно детство сказывается на всей оставшейся жизни.

Учитель Чжоу перевел взгляд на крошечные ярко освещенные окошки, за которыми находились его воспитанники.

– Однажды их уже бросили. Я делаю все, что в моих силах, чтобы компенсировать причиненный им ущерб. Надеюсь, со временем они смогут забыть о страданиях, которые перенесли в детстве.

Фан Му понимал, о чем он говорит. Учитель Чжоу основал приют не просто для того, чтобы детям было где жить; он хотел воспитать их таким образом, чтобы позднее они вступили в общество, не утратив чувства собственного достоинства. Фан Му искренне восхищался этим с виду не выдающимся пожилым мужчиной, сидящим рядом.

– А я... могу чем-нибудь помочь?

Учитель Чжоу фыркнул и несколько раз крепко хлопнул его по плечу.

– Ты и так очень помогаешь!

– Не очень, – пробормотал Фан Му, слегка покраснев.

– Нет. Ты – единственный человек, который вносит денежные пожертвования, ничего не требуя взамен. – Он поглядел Фан Му в глаза и произнес с нажимом: – Однажды я утратил веру в человечество. Но ты помог мне снова ее обрести.

Юноша покраснел еще сильнее. На самом деле он уже получил кое-что взамен: целую человеческую жизнь. И любые денежные пожертвования меркли по сравнению с этим.

Двухэтажное здание приюта уже окутала ночная тьма, и золотистый свет, лившийся из окон, походил на сияние лукавых глаз, подглядывающих за ним и учителем Чжоу.

– Учитель Чжоу!

– Да? Что такое?

– Вам надо придумать название для приюта.

– Название? Зачем? Я не собираюсь устраивать рекламную кампанию, ничего подобного.

– Это не для рекламы. А для детей. Боюсь, они всю жизнь будут вспоминать, что выросли в приюте.

– Вот это верно! Очень верно! – Учитель Чжоу пришел в восторг. – Ну-ка, объясни...

– Эти дети – инвалиды, или их бросили родители, или вся их семья умерла. Наверняка у них и так невысокая самооценка, особенно если вспомнить об их корнях. – Фан Му сделал паузу. – Если мы хотим, чтобы у них остались счастливые воспоминания о детстве, то надо дать этому месту какое-то название, чтобы у них было ощущение уюта и... сопричастности.

Учитель Чжоу поднялся.

– Знаешь, маленький Фан, я и не думал, что ты – такой кладезь идей... – Он рупором приставил ладони ко рту и прокричал: – Все на улицу! Общий сбор!

Спустя мгновение тишины маленькое здание оживило. Ребятишки начали выбегать из него; за ними последовали сестра Чжао и Ляо Яфан, на ходу вытирая о передники руки.

Учитель Чжоу встал на краю клумбы и велел всем выстроиться вокруг.

– Только что мы с дядюшкой Фан Му кое-что обсуждали. Мы дадим нашему дому имя. Как вы на это смотрите?

Дети в восторге выкрикивали слова одобрения; губы сестры Чжао сложились в улыбку. Похоже, что бы учитель Чжоу ни предложил, она безоговорочно его поддержала бы.

– Итак, как нам его назвать?

Ребятишки притихли, сосредоточенно обдумывая название. Даже умственно отсталые, повторяя за остальными, казалось, шевелили мозгами. Спустя несколько секунд тишины дети начали выкрикивать:

– Школа «Сочувствие»!

– Приют «Надежда!»

– «Завтра лучше, чем вчера»!

– «Приют дедушки Чжоу»!

Дети обсуждали названия между собой; каждый настаивал, что его вариант – лучший. Учитель Чжоу с улыбкой наблюдал за ними, временами давая самым застенчивым возможность высказаться, а временами возводя глаза к ночному небу в раздумьях.

– Думаю, пора прекратить этот спор. Учитель Чжоу, вы учредили этот приют в одиночку, и он должен носить ваше имя. – Сестра Чжао сделала широкий жест, обводя двор обеими руками. – Назовем его «Благотворительным институтом Чжоу Гуоциня».

Дети радостно захлопали в ладоши.

– Нет. – Учитель Чжоу медленно опустил глаза от ночного неба. Выражение лица у него было ласковое и торжественное, губы продолжали улыбаться. Он тихо произнес: – «Дом ангелов».

На мгновение все затихли, очарованные красотой двух этих слов. Сестра Чжао прижала руки к груди, словно застыв в момент хлопка.

– «Дом ангелов», – прошептала она, и лицо ее порозовело. – «Дом ангелов»...

Один за другим дети в кругу повторяли друг за другом, словно эхо:

– «Дом ангелов»...

– «Дом ангелов»...

Казалось, все они прислушиваются к названию, стараются распробовать и ощущают на языке его послевкусие, наслаждаясь глубиной и благородством звучания.

Маленькая девочка дернула учителя Чжоу за штанину:

– Дедушка Чжоу, значит, мы все тут ангелы?

Он опустился на одно колено и обнял ее.

– Да, – обвел глазами детские лица, полные надежды и ожидания. – Каждый из вас – ангел.

Внезапно Фан Му показалось, что дети, стоящие перед ним, источают свет, будто он и вправду смотрит на маленьких ангелов. Они расправляли свои белоснежные крылья, покачивали головками и одаривали его чистейшими из улыбок.

Глава 5

История Люо Цзяхая

Мы с Шен Сянь поступили в университет в один год. Когда я впервые ее увидел, она не произвела на меня особого впечатления, потому что была очень тихая: на лекциях всегда сидела в заднем ряду и сталась держаться подальше от остальных. Сейчас мне довольно забавно об этом вспоминать, но в первый год я практически не замечал ее. Иногда мы сталкивались где-нибудь на улице, и я даже не мог вспомнить, в моей она группе или нет. В первый раз мы пересеклись во втором семестре первого курса, на экзамене по основам экономики. Этот предмет интересовал меня мало, и я готовился кое-как. Пока я ломал голову над своим бланком, Шен Сянь успела все закончить и прошла мимо меня, а по пути дотронулась до моей парты. Когда она убрала руку, я увидел клочок бумаги. Быстро закрыл его ладонью и убрал на колени, чтобы никто не заметил. Когда же развернул его, там были ответы по тесту. Я сдал экзамен только благодаря ее помощи.

Естественно, как настоящий мужчина, я не хотел быть в долгу. Решил пригласить на ужин – посидеть где-нибудь вдвоем. Я приглашал ее дважды, но оба раза Шен Сянь отказывалась. Однажды в кампусе я увидел, как она идет и тащит в руках большой пакет, с виду очень тяжелый. Я подошел и предложил помочь – я ведь до сих пор не оплатил ей за ту услугу. Но когда попытался взять пакет у нее из рук, она вдруг страшно разнервничалась и отскочила назад, будто испугалась меня. Я подумал, что это немного странно, но не стал спрашивать, в чем дело; просто поболтал с ней немного по пути к женскому общежитию.

Шен Сянь не хотела идти бок о бок со мной – она держалась на два шага позади. Представляете, как странно это выглядело? Мне хотелось скорей добраться до ее общежития, поэтому я ускорил шаг. Оказалось, пакет ее был непрочным: он порвался, и оттуда высыпалось как минимум пятьдесят брусков мыла и с десяток флаконов с гелем для душа разных фирм. Я так поразился, что спросил: она что, магазин открывает? Шен Сянь ничего не ответила, но я увидел у нее в глазах слезы. Она так разволновалась, будто я повредил нечто драгоценное для нее. Встала на колени прямо на земле и принялась собирать свое мыло и гели для душа, прижимая их к груди. И это при том, что она была ужасно миниатюрная... Сколько флаконов она могла унести? В общем, я сложил часть из них в свой рюкзак – что влезло, а остальное завернул в порванный пакет и кое-как довел ее до общежития.

На следующий день Шен Сянь вернула мне мой рюкзак чисто выстиранным; от него даже шел легкий аромат лаванды. И вот, когда я надел этот новенький ароматный рюкзак, то вдруг подумал, что эта девушка – одна на миллион. С того самого дня я начал присматриваться к ней. И она тоже присматривалась ко мне, я точно знаю. Иногда, когда я проходил мимо, она быстро отводила глаза. Постепенно я кое-что о ней разузнал. Шен Сянь держалась особняком. Друзей в кампусе у нее не было, она везде ходила сама по себе. На занятиях никто не обращал на нее внимания. Внешние данные у нее были средние, и она никак не украшала себя. Вот никто и не замечал ее. Единственное, что выделяло ее среди других, – она постоянно принимала душ. Бегала в душевую минимум два раза в день; даже когда в общежитии сломался бойлер, мылась холодной водой. Все свои деньги тратила на мыло и гели для душа. Другие девчонки говорили, что она помешана на чистоте.

Естественно, это возбудило во мне любопытство. К тому же я не мог забыть слезы, которые стояли в тот день у нее в глазах. Я решил, что она очень одинока и нуждается в ком-то, кто мог бы о ней позаботиться. И решил ухаживать за ней. Может показаться, что я просто хотел ее отблагодарить за то, что она мне помогла, и ухаживания были не лучшим способом. Но на самом деле я уже чувствовал что-то к ней, и, должен признать, она вправду меня привлекала.

Хотя моя любовь зародилась из сочувствия и любопытства, я об этом не жалел. Даже сейчас не жалею.

Однажды я опоздал на лекцию. Когда вошел в аудиторию, то сразу направился к задним рядам. Конечно, она сидела там, совсем одна. Никогда не забуду ее лицо в тот момент – она так разволновалась, что, казалось, готова была вскочить и убежать. Я кивнул ей и вроде бы улыбнулся, а потом сел. Но Шен Сянь выглядела так, будто находится на грани срыва; она застыла, у нее не шевелился ни один мускул. На самом деле я тоже нервничал, поэтому достал тетрадь и стал делать вид, что слушаю лекцию. Но мои ноздри улавливали какой-то легкий запах, и я повернулся к ней и вдохнул поглубже. Внезапно Шен Сянь повернулась ко мне и побледнела как мел. Честно, я не преувеличиваю. Она была бело-зеленой. Я был так потрясен, что только и смог пробормотать: «От тебя так приятно пахнет...» Как только Шен Сянь это услышала, ее лицо озарилось. Она пристально поглядела мне в глаза, но, когда наши взгляды встретились, опять опустила голову. Постепенно ее лицо начало розоветь. Это внушило мне уверенность, и я попытался завязать разговор, спросив что-то вроде: «Какими духами ты пользуешься? Пахнет потрясающе». Шен Сянь не ответила; она просто написала несколько слов в своей тетради и дала мне посмотреть. «Правда приятно пахнет?» Когда я изо всех сил закивал, она пристально поглядела на меня, а потом улыбнулась.

С этого дня Шен Сянь стала моей девушкой. Вскоре я понял, что она и правда обожает принимать душ. Когда мы начали с ней встречаться, она предлагала мне проводить ее до душевой. Но каждый раз, когда мы приближались к раздевалкам, она начинала тревожно озираться по сторонам. Несколько раз я пытался расспрашивать ее, и она наконец рассказала, что, когда ходит в душевую или в магазин, ей кажется, что кто-то преследует ее. Несколько раз я специально посматривал, но никого подозрительного поблизости не было. Однако, считаясь ее парнем, я обязан был ее защищать. И вот, пока другие влюбленные гуляли и болтали между собой, я сидел у дверей общественной бани, отчаянно скучая, и дожидался ее. И всякий раз, когда она выходила, с еще мокрыми волосами, то задавала мне один и тот же вопрос: «Как я пахну?»

Этот вопрос был для нее каким-то наваждением, она спрашивала меня об этом по сотне раз в день. Как-то я рассердился и нарочно сказал: «Отвратительно пахнешь, даже воняешь». Я хотел пошутить, но лицо ее стало серым, как пепел, и она, не проронив ни слова, убежала к себе в общежитие. Той же ночью – нет, даже под утро – мне позвонила ее соседка: у Шен Сянь поднялась высокая температура. Я помчался к ней в больницу. Соседка сказала мне, что Шен Сянь, вернувшись вечером домой, сразу помчалась в душевую. Но горячей воды уже не было, и она стала мыться холодной. Дело было в ноябре, в результате она долго ворочалась в постели, а под утро у нее начался жар.

После этого я ни разу не осмеливался произнести даже слово вонь или что-нибудь вроде того. Если она задавала мне свой вопрос, я отвечал, что она пахнет прекрасно. Но она и вправду изумительно пахла.

Вам не хуже меня известно, что студенты в наше время, если начинают встречаться, то уже через пару дней оказываются в постели. У нас с Шен Сянь тоже были сексуальные отношения, но это произошло спустя целый год. Наверное, это покажется странным. С нашего первого поцелуя до настоящего сближения между нами случилась целая война. То, что другие люди воспринимают как логичное продолжение событий, для нас превратилось в вопрос жизни и смерти. Я отчетливо помню первый раз, когда просунул руку Шен Сянь под рубашку – она чуть в обморок не упала. Изо всех сил откинулась назад, и я слышал, как она заскрипела зубами. Я тогда был ужасно глупый – считал, что именно так девушки проявляют страсть. Впервые мы занялись любовью на мой день рождения, в квартире, которую снимал один мой приятель. К ночи пришли к молчаливому соглашению, что это случится сегодня. Мы выпили много красного вина и съели кусок именинного торта. Потом я первым пошел принимать душ. Когда настала ее очередь идти в ванную, лицо у нее побелело. Я ждал, полностью раздетый, на кро-

вати, ждал очень долго, но Шен Сянь не выходила. Я начал беспокоиться, что она отравилась угарным газом от дровяной колонки, и поэтому взломал двери ванной. И тут увидел, что она сидит на корточках под душем и рыдает. Я быстро вывел ее оттуда.

Шен Сянь рыдала чуть ли не до потери сознания – ей даже было все равно, что она голая. Просто свернулась клубком под одеялом и всхлипывала. Я подумал, что она не хочет этого делать, и начал уговаривать ее, чтобы она позволила мне ее одеть. Внезапно Шен Сянь вырвала у меня из руки белье, которое я ей протягивал, и отшвырнула в сторону, потом повернулась ко мне и прижалась изо всех сил. Начала целовать так, будто от этого зависела ее жизнь. Что мне надо было делать? Тяжело дыша, я навалился на нее. А когда уже готовился войти, она внезапно распахнула заплаканные глаза и пробормотала: «Мне надо тебе кое-что рассказать».

Это была та самая история про запах.

Когда Шен Сянь заканчивала школу, все ее считали хорошенькой и веселой. Она была как маленький яркий цветок, росла задорной, здоровой, мечтала о будущем, о романтике и настоящей любви – пока все это не разрушила катастрофа. В тот день классная руководительница Шен Сянь, учительница Цин, задержала ее после уроков – попросила помочь проверить тетради. Когда Шен Сянь пошла домой, было уже очень поздно. Учительница Цин не проводила ее, потому что спешила к своей маленькой дочери. И вот по дороге Шен Сянь столкнулась с плохим человеком. Тот избил ее и заставил целовать его гениталии. В конце он изнасиловал Шен Сянь, но самым отвратительным, что навсегда отравило ее жизнь, были слова, которые он прошептал ей на ухо: «Я оставил кое-что у тебя внутри, и этот запах будет преследовать тебя вечно».

На следующий день Шен Сянь, вся в синяках и царапинах, не решилась пойти в школу. Когда учительница Цин пришла к ее родителям, то узнала, что случилось. Она отговорила родителей Шен Сянь обращаться в полицию, сказав, что доброе имя их дочери будет поругано. Те сначала не верили ей, но постепенно согласились с аргументами учительницы. На самом деле она беспокоилась вовсе не о добром имени Шень Сянь – просто боялась, что из-за этого происшествия не получит титул Учителя года. Происшествие осталось в тайне. Однако если раны на теле и заживают, раны в душе не исчезают просто так. С тех самых пор Шен Сянь начала ощущать неприятный запах от своего тела – похожий на запах мужских гениталий. Она начала мыться при любой возможности и избегать других людей, боясь, что и они учуют неприятный запах. Потом ее семья переехала, подумав, что смена обстановки ей поможет.

Но это не сработало; странный запах продолжал преследовать ее и досаждал, словно злая тень. Что может быть мучительней для девушки? И так продолжалось до тех пор, пока парень, который втайне ей нравился, не сел с ней рядом и не сказал: «От тебя так приятно пахнет...»

К тому времени как она закончила рассказ, все мое лицо было залито слезами. Мы крепко обнялись и долго плакали. Потом она позволила мне войти в нее. Это было немного страшно, немного больно, но в первую очередь очень приятно. Потом я целовал ее всю, от макушки до пят, и говорил, что не чувствую ни грана неприятного запаха; наоборот, она изумительно пахнет. Лицо ее оставалось настороженным, но я чувствовал, что вопрос с запахом уже не так ее беспокоит.

С тех пор Шен Сянь словно подменили. Она больше не простаивала часами в душе и постепенно начала общаться с другими людьми. И вскоре уже ничем не отличалась от других девушек в университете – была такая же живая и веселая. В нашей группе шутили, что это сила любви. Между нами все было прекрасно, мы планировали общее будущее, обычную, но счастливую жизнь. Пока не появилась она.

Ее звали Сан Наннан. Впервые я увидел ее на вечеринке в честь первокурсников. Присутствующие по очереди представлялись остальным, и когда дошло до Шен Сянь, та девушка что-то громко прошептала, но мы, если честно, не обратили на нее внимания. Вечеринка продолжалась, и мы заметили, что она посматривает на Шен Сянь как-то странно – то ли с пре-

зрением, то ли с сочувствием. Но очень скоро ее взгляды переключились на меня. Я был уверен, что эта Сан Наннан положила на меня глаз. Шен Сянь тоже это почувствовала, но ничего не сказала. С тех пор, если Сан Наннан вроде как случайно сталкивалась со мной на улице и пыталась завязать разговор, Шен Сянь стояла рядом очень тихо, а то и вообще отходила в сторону. Как-то раз у нас в университете проходил баскетбольный турнир; я играл в факультетской команде, а Сан Наннан была чирлидером. В перерыве она подскочила ко мне с полотенцем и стала вытирать пот с моего лица.

На этот раз Шен Сянь не стала терпеть – она вырвала у нее полотенце и бросила ей в лицо. Сан Наннан скорчила гримасу, кинула полотенце на пол и громко воскликнула: «Думаешь, ты особенная, но на самом-то деле ты – порченный товар!»

Вскоре после этого по кампусу поползли слухи о том, что Шен Сянь в школе изнасиловали, и все вокруг начали обсуждать нас с ней. Куда бы мы ни направлялись, на нас бросали осуждающие взгляды. Шен Сянь сходила с ума – раз за разом она обнюхивала себя и спрашивала меня, воняет от нее или нет. Я повторял: «Нет, нет, ничего подобного». Но она мне не верила и опять начала постоянно принимать душ. Страшнее всего был тот раз, когда Шен Сянь просидела под душем шесть часов кряду. Когда она наконец вылезла, вся шея и руки у нее были содраны мочалкой до крови. Позднее я узнал, что слухи распространяла Сан Наннан. Мы решили поговорить с ней, но она дерзко заявила, что всего лишь рассказала правду. Шен Сянь спросила, откуда она узнала; Сан Наннан сказала ей, что ходила в ту же школу и учительница Цин была ее классным руководителем. Когда Сан Наннан поступила в университет, то пошла навестить учителей в школе. Тогда-то учительница Цин и сообщила ей про Шен Сянь – девочку, которая закончила ту же школу и поступила в тот же университет.

А еще учительница упомянула об изнасиловании.

Мы надеялись, что слухи постепенно затухнут и все забудется, но они только усиливались – причем в самых извращенных и грязных версиях. Нам стало казаться, что мы сходим с ума. Шен Сянь постоянно плакала и требовала, чтобы я бросил ее, но я не мог так поступить. Однажды мы на три дня спрятались в маленьком мотеле за пределами кампуса. Все это время плакали, целовались и занимались любовью; казалось, нам некуда больше деться. Шен Сянь запускала длинные ногти мне в спину и рыдала: «Убей ее, убей, я ненавижу ее». В тот момент нам казалось, это единственное, что мы можем сделать.

Я договорился встретиться с Сан Наннан, притворившись, что порвал с Шен Сянь и хочу встречаться с ней. Мне легко удалось заманить ее на фабрику за палаточным рынком. Сначала мы хотели оставить себе пространство для маневра и сказали, что ничего ей не сделаем, если она выступит с публичным опровержением слухов, которые распространяла. Но она начала ругаться и кричать, обозвала Шен Сянь шлюхой и пригрозила, что найдет на нас копов. Точка невозврата была пройдена – у нас не осталось выбора. Мы нанесли ей много ударов ножом. Помню, какие удивленные были у нее глаза после первого удара. Убив Сан Наннан, мы оба ощутили странное успокоение. Начали обсуждать, что делать дальше – сбежать или вместе совершить самоубийство. Был почти рассвет, когда мы заснули в объятиях друг друга возле мертвого тела Сан Наннан. Все это время я не испытывал страха. Потом проснулся и понял, что Шен Сянь по-прежнему лежит рядом со мной, но запястье у нее перерезано. Вокруг было море крови. Казалось, она вытекла у нее вся. В пальцах у Шен Сянь был зажат листок бумаги – там она написала, что убила Сан Наннан одна и что ко мне это не имеет отношения. Это было глупо с ее стороны – как бы я смог продолжать жить без нее? Но перед смертью я хотел закончить еще одно дело. Убить учительницу Цин. Я хотел, чтобы все, кто причинил нам боль, заплатили. Все!

* * *

Выслушав историю Люо Цзяхая, Фан Му закурил сигарету, глубоко затянулся и медленно выпустил дым.

Наконец-то он понял, какая связь была между запахом, сексом и убийством. Однако в глубине души не успокоился. Раздираемый противоречивыми чувствами, Фан Му смотрел на парня, сидевшего напротив него за столом, и размышлял о том, что жалость к Люо Цзяхаю, человеку, убившему двух женщин, является отходом от профессиональной этики; если он попытается утверждать, что занимался выяснением мотива этих убийств только в рамках своих обязанностей, то погрешит против истины.

Люо Цзяхай должен заплатить за содеянное.

Но Фан Му не хотел, чтобы тот умирал.

В конце концов он выбрал путь, который не нарушал ни профессиональной этики, ни его собственных убеждений.

– Люо Цзяхай, боюсь, мне придется отказаться от нашей договоренности.

– А? Что?

– И я надеюсь, что ты откажешься от нее тоже. – Фан Му стряхнул пепел с кончика сигареты в пепельницу. – Я хочу, чтобы ты повторил все это перед судьей.

– Но почему?

Юноша встал и оперся ладонями о край стола.

– Ты хочешь умереть?

Люо Цзяхай добрых полминуты не сводил с него глаз, а потом опустил голову.

– Нет. Нет, не хочу. – Голос выдал его слабость и волнение.

– Тогда расскажи свою историю суду, и, возможно, тебе удастся избежать смертной казни.

Если понадобится помощь, дай мне знать.

– Не понадобится, – ответил Люо Цзяхай. – Чжан Десянь официально назначен моим защитником.

– Он? – удивился Фан Му. Да уж, если этому человеку удалось убедить суд назначить его адвокатом, то с ним определенно стоит считаться. Вслух Фан Му не стал комментировать этот факт, а просто обогнул стол и похлопал Люо Цзяхая по плечу. – Желаю удачи.

Глава 6

Направление

«Где я?»

Мужчина медленно поднял отяжелевшую голову. В глазах было темно. Черно в полном смысле этого слова – куда бы он ни посмотрел, не было видно ни зги.

Мужчина попытался пошевелиться, но, как и подозревал, оказался накрепко привязан к стулу. По крайней мере, так ему показалось.

Темнота была бесконечной, и создавалась иллюзия, что в нее погрузился весь мир. По какой-то причине у мужчины сложилось ощущение, что он находится в большом пустом зале. Попытался закричать. «На помощь!..»

И сразу понял – что-то не так. В этом зале не было эха.

Чем сильнее он паниковал, тем громче становились крики. «На помощь! Кто-нибудь... Помогите!»

Тьма, словно гигантская разинутая пасть, беспощадно заглатывала звуки, срывавшиеся с его губ.

Мужчина начал яростно вырываться, но страх лишил его последних сил. Очень скоро он снова беспомощно обвис, откинувшись на спинку стула.

Внезапно в зале раздался низкий грозный голос: «Пошевели левой рукой».

Мужчина закрутил головой; голос как будто говорил ему прямо в ухо и одновременно звучал со всех сторон.

– Кто... кто вы такой?

– Пошевели левой рукой.

– Кто... да кто вы...

Прежде чем он закончил вопрос, его тело пронзила острая боль. Казалось, будто тысячи крошечных игл синхронно впились в кожу.

Очевидно, крики мужчины понравились обладателю низкого голоса, потому что в его ледяном тоне появился оттенок удовольствия.

– Пошевели левой рукой.

Воспротивиться мужчина не посмел. Он пошевелил левой рукой, лежавшей на подлокотнике стула. Секунду спустя нащупал под пальцами четыре кнопки, расположенные крестом.

– Нашел кнопки?

– Да... я чувствую их.

– Хорошо. Теперь отвечай на мои вопросы. На каждый даю тебе три секунды, чтобы подумать. Если ответишь правильно, я тебя отпущу.

– Подождите...

– В каком направлении находится восток?

– Да с чего вы решили, что...

– Три... два...

В ужасе от перспективы снова ощутить удар тока, мужчина рефлекторно нажал кнопку справа.

– Неправильно.

И опять резкая, беспощадная волна боли пробежала по его телу. Боль была такой силы, что захотелось сжаться в комок, но его руки и ноги были связаны, и в попытке вырваться он лишь дополнительно поранил щиколотки и запястья.

Ледяной голос зазвучал снова:

– В каком направлении находится север? Три... два...

В панике, мужчина нажал верхнюю кнопку.

– Неправильно. – Теперь в голосе появилось нескрываемое удовольствие – как у ребенка, придумавшего веселую игру.

Тело мужчины еще не оправилось от предыдущей волны судорог, когда новая накрыла его, заставив безвольно корчиться на стуле.

Так повторилось еще несколько раз.

Вопросы были те же самые – в каком направлении находится север, юг, запад и восток. Но какую бы кнопку он ни нажимал, ответ оказывался неверным. Сознание мужчины начало мутиться, из уголка рта на грудь побежала нить слюны. Каждый раз при звуках устрашающего голоса он поспешно нажимал одну из кнопок, но тут же тело сотрясал электрический разряд, и он испускал отчаянные крики.

– В каком направлении находится юг? Три... два...

– Умоляю... отпустите меня... – Мужчина уже не кричал, а тихонько всхлипывал. – Я дам вам все, что захотите...

Прошло еще три секунды, но удара тока не было.

После долгой паузы голос нарушил тишину. Он снова стал холодным и равнодушным.

– Ты ничего не можешь мне дать. Но я хотел, чтобы ты знал... Как важно правильное направление.

Судорожное дыхание мужчины внезапно замерло. Он поднял голову. Тьма вокруг так и оставалась непроницаемой, но ему показалось, что он видит перед собой едва различимый силуэт.

– Я знаю, кто ты! Ты...

Внезапные конвульсии заставили последнее слово застрять у него в горле. Удивительно, но на этот раз ощущение, пронзившее тело, было не болью, а невероятным наслаждением. Извиваясь, мужчина увидел перед собой вспышку искр. Если б он продержался еще чуть дольше, то понял бы, что находится в полностью герметичном помещении со стенами, закрытыми звуконепроницаемыми панелями. К сожалению, он не успел. Искры были последним, что он увидел, и они кое-что напомнили ему. Но уже в следующий миг остатки сознания утонули в непроглядном мраке.

Спустя некоторое время динамики на стенах начали издавать необычный звук. Он был похож немного на плач, немного на долгий, глубокий вздох.

Глава 7

Суд

Глаза Фан Му были устремлены на чашку, стоявшую перед ним. Темно-зеленые листья чая медленно кружились в воде, разворачиваясь и отдавая свой аромат. Их танец был беззаботным и веселым, но каждый танцевал сам по себе. Им не на кого было опереться.

Фан Му размышлял о человеческой судьбе.

Часом раньше Чжан Десянь позвонил ему и попросил о встрече. Немного подумав, юноша дал согласие.

Они решили встретиться в чайном доме. Для беседы это место подходило как нельзя лучше: там всегда было тихо, и никто не мог помешать.

Фан Му бросил взгляд на часы. До условленного времени оставалось еще пять минут. Однако, подняв голову, он увидел Чжан Десяня, шагающего по проходу к его столику.

– Надеюсь, я не заставил вас ждать слишком долго. – Чжан Десянь протянул ему в приветствии руку. Фан Му поднялся и пожал ее.

Адвокат опустился на стул и, даже не заглянув в чайную карту, протянутую официанткой, бросил:

– Лунцзинь.

Он запыхался от быстрой ходьбы, и на лбу у него выступили капельки пота.

– Меня зовут Чжан Десянь, я юрист из фирмы «Хенгда». У меня с собой удостоверение... – Чжан Десянь полез к себе в портфель и принялся ожесточенно копаться внутри.

– Не нужно, мы уже встречались.

– В таком случае перейду сразу к делу. – Чжан Десянь поправил очки, которые сразу же сползли обратно по мокрой от пота переносице. – Я – адвокат Люо Цзяхая. Я попросил вас встретиться со мной, поскольку хочу уточнить несколько деталей. Вы не против, если я буду записывать наш разговор?

Фан Му секунду подумал и кивнул:

– Не против.

– Замечательно. – Юрист достал диктофон, включил его и осторожно положил на стол.

Все вопросы вращались вокруг убийства первой степени, совершенного десятого сентября. Из них Фан Му понял, что адвокат пытается доказать – Люо Цзяхай сдался добровольно и испытывает угрызения совести за свое преступление. О некоторых фактах он расспрашивал особенно подробно, например: «Вам не показалось, что в тот момент Люо Цзяхай больше не собирался никому причинять вреда?» Или: «Можно ли утверждать, что Люо Цзяхай по собственной инициативе отложил орудие убийства?», и так далее. Отвечая на вопросы, Фан Му внимательно наблюдал за Чжан Десянем. Тот был гораздо худей и бледнее, чем в прошлую их встречу, а на лице адвоката читалась усталость, которую он никак не мог скрыть.

Когда беседа уже подходила к концу, Чжан Десянь внезапно спросил:

– Офицер Фан, если это не будет для вас слишком обременительно, я хотел бы просить вас свидетельствовать в суде. Может быть, вы не откажетесь подтвердить с профессиональной точки зрения, что вероятность совершения Люо Цзяхаем повторного правонарушения крайне мала?

Фан Му, немного подумав, кивнул.

– Великолепно. – Лицо Чжан Десяня осветилось. – Я очень ценю вашу помощь.

Он встал, поклонился и пожал ему руку, задержав ее в своей чуть дольше обычного.

Фан Му ощутил в этом рукопожатии неожиданную силу и, подчинившись внезапному импульсу, произнес:

– Послушайте, я уверен, что вы, как адвокат, понимаете – эти свидетельства, которые вы собираете... – Он сделал паузу, пытаясь подобрать правильные слова: – Не будут иметь большого веса.

– Да, понимаю. – Улыбка Чжан Десяня слегка потускнела. – Но я должен собрать максимум доказательств, чтобы смягчить обвинения, выдвинутые против моего клиента.

Несколько секунд Фан Му смотрел ему прямо в глаза.

– Могу я спросить вас – почему вы восприняли дело Люо Цзяхая так близко к сердцу?

Чжан Десянь слегка напрягся.

– Долг адвоката – сделать все, что в его силах.

Еще пару мгновений они не сводили друг с друга глаз. Оба понимали, что сказали не всю правду.

* * *

Первое заседание по делу Люо Цзяхая было назначено на девять часов утра в четверг, в Народном суде Чанхона. Фан Му приехал туда незадолго до начала. Зал был набит битком. Репортеры слетелись заранее, чтобы занять удобные места для съемки, и теперь их камеры на штативах, напоминающие пушки, все как одна были нацелены на скамью подсудимых. Представив себе, каково Люо Цзяхаю будет предстать перед их объективами, Фан Му ухмыльнулся и вышел из зала, направляясь в комнату для свидетелей.

Проходя мимо лестницы, он заметил изможденную женщину средних лет, которая стояла, прислонившись к перилам. Немигающими глазами она смотрела наверх; под руки ее поддерживали несколько случайных человек, опасавшихся, казалось, что она вот-вот рухнет в обморок. Однако в их помощи не было нужды, поскольку ярость, читавшаяся в ее взгляде, заставляла женщину твердо стоять и держаться наготове.

Посидев в свидетельской минут пять, Фан Му почувствовал, что ему необходима сигарета, поэтому поднялся и снова вышел в коридор. Докурив до половины, он услышал эхо шагов, сопровождавшихся металлическим лязгом цепей, волочащихся по плитчатому полу. Вытянул шею, но увидел лишь, как чья-то фигура пронеслась по лестничной клетке и пропала, а люди, поддерживавшие ее, так и остались стоять в недоумении.

Фан Му отбросил сигарету и побежал к лестнице. И тут же до него донесся крик и звуки пощечин:

– Ублюдок! Верни мне мою дочь! Я тебя убью!

Люо Цзяхай, руки которого были сложены на затылке, пытался уворачиваться от кулаков женщины средних лет, набросившейся на него. Четверо охранников, которые сопровождали подсудимого, не торопились вмешиваться; они продолжали медленно идти по коридору, держа руки у него на плечах. Женщине никто не препятствовал.

Фан Му подбежал к ним и схватил ее за запястья. К его вящему изумлению, она тут же вырвалась и снова набросилась на Люо Цзяхая с широко распахнутым ртом, на этот раз собираясь его укусить. Репортеры в зале суда, очевидно, услышали шум и выскочили в коридор. Завидев их, четверо охранников тут же встали на пути у женщины и отодвинули ее в сторону. Под крики, плач и щелчки фотокамер Люо Цзяхай, спотыкаясь, вошел в зал суда; из разбитой губы у него текла кровь.

Сквозь толстые двери Фан Му слышал неразборчивый шум; только после нескольких резких ударов молотка порядок в зале был восстановлен.

Заседание началось с вопросов судьи.

Несколько коллег Фан Му из департамента также явились в суд в качестве свидетелей, и их, одного за другим, вызывали давать показания относительно ареста и следственных меро-

приятый. Те, кто был знаком с Фан Му, подходили покурить и поболтать с ним, пока ждали своей очереди.

Кто-то громко поинтересовался, какие показания могли потребоваться обвинению от Фан Му. После секундного колебания тот ответил, что свидетельствует на стороне защиты. Услышав это, другие стали тревожно переглядываться, и общая беседа в свидетельской иссякла. Несколько коллег подчеркнуто отодвинулись, словно проведя между ним и собой разделительную линию.

Фан Му мог их понять, но все равно испытывал неловкость. К счастью, ей скоро пришел конец, поскольку его вызвали для дачи показаний.

Когда Фан Му назвал свое имя и род занятий, в зале суда снова раздался шум. Ему не надо было оглядываться, чтобы понять, что мать Сан Наннан пожирает его глазами, полными ненависти.

Начался перекрестный допрос. Как адвокат защиты, Чжан Десянь получил право задать первый вопрос.

– Офицер Фан, вы участвовали в аресте подсудимого Люо Цзяхая?

– Да.

– В каком качестве?

– Переговорщика.

– Как долго продолжались переговоры?

– Около пятнадцати минут.

– Значит, переговорный процесс был коротким, я прав?

Фан Му поколебался.

– Можно и так сказать.

– Подсудимый упоминал, что вы попросили его освободить девочке рот. Он выполнил вашу просьбу?

– Да.

– Но почему вы попросили об этом?

– Потому что девочка плакала, и, если бы кляп оставался у нее во рту, она могла бы задохнуться.

– Вы объяснили это подсудимому?

– Да.

– И он сразу подчинился?

– Да.

– В тот момент вам не казалось, что он может причинить ей еще какой-то вред?

– Нет, я так не думал.

– Далее он сам отложил оружие, освободил заложницу и сдался полиции, правильно?

– Да.

– Можно ли утверждать, что переговоры прошли успешно благодаря активному сотрудничеству подсудимого?

Секунду Фан Му подумал.

– Пожалуй.

– Очень хорошо. Некоторое время назад я изложил мотивы подсудимого Люо Цзяхая суду. Думаю, вы с ними знакомы, не так ли?

– Да, знаком.

– Тогда скажите, будьте добры, с позиции обычного гражданина – вы испытываете сочувствие к подсудимому Люо Цзяхаю?

В зале повисла тишина; все взгляды были устремлены на Фан Му. Тот пристально поглядел на Чжан Десяня, потом перевел глаза на Люо Цзяхая.

– Да.

Зал взорвался криками.

– Я задам вам еще один вопрос. По вашему профессиональному мнению, существует вероятность, что подсудимый, Люо Цзяхай, совершит еще преступление?

– Я считаю, что действия Люо Цзяхая можно классифицировать как убийство на почве страсти. – Фан Му сделал паузу. – С точки зрения психологии вероятность рецидива в его случае крайне невелика.

Стоило этим словам вылететь у него изо рта, и в зале суда воцарился хаос. Фан Му заставил себя не оборачиваться и сохранять хладнокровие, но ему было видно, как изменилось у Люо Цзяхая выражение лица. Он почувствовал неладное, но не успел вовремя наклониться, и в затылок ему ударила женская туфля.

Мать Сан Наннан, со второй туфлей в руках, подпрыгивала на своем месте, громко рыдая.

– У вас есть совесть или нет? – кричала она. – Как вы можете защищать преступника? Какой вы после этого полицейский?

Люди выкрикивали что-то ей в поддержку, тыча пальцами в Фан Му.

– Как вы можете сидеть здесь и издеваться над покойными?

– Что вы за человек? Подлец!

– Признавайтесь, сколько вам заплатили?

Судья изо всех сил застучал своим молотком:

– К порядку!

Судебные приставы начали выводить разбушевавшихся из зала; спустя несколько минут порядок был восстановлен.

Судья велел обвинению приступить к допросу, но прокурор заявил, что у него вопросов нет.

Немного помолчав, судья спросил:

– Свидетель, вы утверждаете, что вероятность совершения нового убийства подсудимым невелика?

Фан Му ответил, ясно и четко:

– Да, я так считаю.

Окинув его пристальным взглядом, судья сказал:

– Свидетель, вы свободны.

* * *

Преодолевая головокружение, Фан Му вышел из зала суда, и сразу же у него в кармане зазвонил мобильный телефон.

– Алло? Капитан Бьян?

– Где ты?

– В Народном суде.

– Срочно поезжай в парк Ваньян, у нас новое убийство. Место преступления весьма необычное. Тебе обязательно надо посмотреть.

«Весьма необычное?»

Фан Му дал отбой и пошел к парковке, гадая, что это может означать.

Глава 8

Лабиринт

Парк Ваньян находился на окраине города. Ваньян означало «десять тысяч скал», но на самом деле там был только небольшой каменистый холм. Несколько лет назад крупная корпорация получила подряд на освоение участка земли вместе с «горой» и построила на нем парк развлечений. В нем установили подъемные краны с тарзанками, американские горки, колесо обозрения и другие аттракционы. С самого открытия бизнес процветал: с раннего утра парк начинали осаждают толпы туристов, охваченных желанием попробовать то, на что никогда не осмелились бы в обычной жизни – например, спрыгнуть с высотного крана или побывать в автомобильной аварии.

У главных ворот парка было припарковано несколько полицейских машин; на них мигали красно-синие маячки, но сирены были выключены. Возле касс колыхалась масса туристов, забрасывавших вопросами издерганного кассира, мучительно пытавшегося что-то им отвечать.

Фан Му прицепил на грудь рабочий бейдж, и полицейский, охранявший вход, отступил в сторону.

Юноша кивнул ему:

– Что тут? Где место преступления?

– Надо пройти внутрь. – Полицейский показал рукой куда-то вбок. – Видите кирпичное здание? Это за ним.

Фан Му уже пошел вперед, но тут полицейский его окликнул:

– Погодите! Я вам дам провожатого.

Фан Му собирался спросить, зачем это нужно, но полицейский развернулся в сторону кассы и позвал:

– Эй ты, иди-ка сюда!

С лицом приговоренного к смерти, который только что получил высочайшее помилование, кассир в потной рубашке вырвался из толпы и подбежал к ним.

– Что такое?

– Отведи офицера на место преступления.

Кассир изо всех сил закивал:

– Конечно-конечно, идемте.

Перспектива бегать по поручениям полиции явно привлекала его куда больше, чем объяснения с сотнями туристов, которые отказывались понимать, почему не могут попасть в парк.

Фан Му все это поставило в тупик. До места преступления совсем недалеко, так зачем ему провожатый?

– Всё в порядке, я сам найду дорогу.

– Нет-нет, я вас провожу. – Кассир уже входил в ворота парка. – Иначе вы вряд ли доберетесь.

Фан Му вздохнул и пошел следом. Обойдя кирпичное здание по периметру, они оказались перед входом, напоминающим пещеру. В дверях Фан Му ощутил прикосновение к лицу ледяного сквозняка. Провожатый начал спускаться вниз по длинной цементной лестнице. Чем глубже они оказывались, тем темней становилось вокруг, пока на стенах не остались лишь редкие красные лампочки, едва освещавшие путь.

Они спустились еще на несколько пролетов и вдруг уперлись в стену. В ней была металлическая дверь, и кассир, оглянувшись через плечо, шепнул:

– Идите за мной.

Он приналег на дверь, открыл ее и ступил внутрь.

Фан Му вошел следом за ним и оказался в небольшом квадратном холле. Во всех четырех стенах имелись такие же железные двери. Холл выглядел на редкость странно.

Только теперь юноша сообразил, где находится, – в подземном лабиринте.

Открыв дверь слева, кассир повернул голову и поманил его за собой.

– Не отставайте. Один полицейский уже потерялся тут и добрых полчаса не мог найти дорогу обратно.

Проходы в лабиринте были узкие, и в свете тусклых красных лампочек возникало ощущение, что они вот-вот сомкнутся между собой. Фан Му с кассиром шли друг за другом. Поначалу Фан Му еще пытался запомнить эти развилки и повороты, но потом сдался и старался держаться поближе к кассиру, гадая, как отыщет обратный путь.

Спустя шесть-семь минут он услышал слабые звуки, идущие откуда-то сверху. Они опять свернули за угол и натолкнулись на новую стену. В ней тоже была железная дверь, выкрашенная черным. Кассир замер на месте.

– Вы идите. Это здесь. – Он поглядел на закрытую дверь, не скрывая страха. – Я предпочту этого больше не видеть.

Фан Му кивнул.

– Если можно, я хотел бы получить карту лабиринта.

– Я спрошу у начальника... – Кассир заколебался. – Понимаете, это может быть расценено как раскрытие коммерческой тайны.

С этими словами он развернулся и поспешил назад.

Стоя перед дверью, Фан Му неожиданно ощутил какое-то внутреннее сопротивление. Он обвел глазами стены с красными лампочками, потом нахмурил брови и толкнул дверь.

По другую сторону находился точно такой же холл, как тот, в котором он стоял, только в воздухе там витал странный запах. В самом центре лицом вниз лежал труп мужчины. Вокруг него стояли несколько человек в резиновых сапогах, перчатках и с прозрачными щитками на головах. В приглушенном красном свете их лица казались размытыми и нечеткими, а в глазах мерцали багровые огоньки. Услышав скрип открывающейся двери, они синхронно развернулись и уставились на Фан Му. От сосредоточенных взглядов этой странноватой группы юноша ощутил укол тревоги. К счастью, кто-то прервал молчание, воскликнув:

– А, вот и ты!

Это был Чжен Линь, заместитель начальника криминальной полиции Чанхона. Фан Му кивком поздоровался и спросил:

– Фотографировать закончили?

– Ага. – Чжен Линь протянул ему набор защитных средств и жестом попросил надеть их. – Криминалисты уже приступили к работе. Мне показалось, что место преступления достаточно интересное, так что я позвонил старине Бьян Пиню.

Фан Му оглядел криминалистов, которые, ползая на корточках, по сантиметру осматривали пол в помещении, после чего его взгляд остановился на трупе.

– Причина смерти?

– Точно пока сказать нельзя, но, по предварительному заключению, смерть наступила от электрошока.

– Электрошок? – Фан Му огляделся. – Получается, преступление было совершено не здесь?

– Ага. Похоже, кто-то притащил его сюда уже мертвым.

– Довольно странно...

Чжен Ли поцокал языком.

– Чертовски странно. Вот почему мы позвонили вам, ребята.

Фан Му кивнул, подошел к телу и присел на корточки. Жертва была приблизительно 170 см ростом и лежала лицом вниз, с развернутой влево головой. Глазные яблоки под полуприкрытыми веками выглядели мутными и безжизненными.

Несколько криминалистов досчитали до трех и перевернули труп на спину. Застывшее лицо уставилось в потолок, челюсти ощерились в оскале. Фан Му взгляделся в его черты. Выражение тоже было странным: смесь боли, ужаса и внезапного осознания. О чем покойный догадался в свои последние мгновения? Что услышал? Или увидел?

– Черт меня побери! Похоже, он здорово помучился, прежде чем умереть, – сказал один из криминалистов, перекладывая ногу покойного.

– Что? – Фан Му подошел ближе.

– Посмотри. – Криминалист указал на алые раны на щиколотках, сразу под голенями.

– Похоже на... ожоги, верно?

– Да, от электрического тока. Они у него повсюду – на бедрах, на руках... И все симметричные.

– Симметричные? Получается, он умер связанным?

– Да, и его многократно били током, – мрачно добавил криминалист. – Кажется, кто-то сильно его ненавидел.

Дверь открылась, и в нее сунул голову кассир. Бросил короткий взгляд на труп на полу и сразу же отвернулся. Через приоткрытую дверь просунул внутрь руку с какой-то бумагой и помахал ею туда-сюда.

– Вот карта, офицер.

Фан Му подошел и взял ее. Как только карта оказалась у него в руках, кассир нырнул обратно за дверь и сдавленным голосом пробормотал:

– Возьмите себе. Так вы найдете дорогу, когда закончите.

Карта была небольшая, но Фан Му довольно долго ее изучал. Чжен Линь заметил, что он задумался, и подошел ближе.

– Где мы сейчас? Вот тут, с краю?

Фан Му ответил не сразу.

– Нет, – произнес он наконец. Опустил карту и обвел глазами зал. – Мы в самом сердце лабиринта.

* * *

28 сентября в развлекательном парке Ваньян в Чанхоне произошло убийство. Туристы, находившиеся в подземном лабиринте, обнаружили там труп мужчины. В панике они разбежались в разные стороны, и в результате многие заблудились. Наконец один из них нажал на кнопку вызова, и сотрудники парка начали выводить людей из лабиринта. К моменту когда всех удалось отыскать, некоторые были на грани нервного срыва.

Покойного звали Чжан Пейяо; это был мужчина тридцати девяти лет, преподаватель Коммерческого колледжа в Университете Чанхона. Вечером 27 сентября он допоздна задержался на работе, и жена позвонила ему по мобильному телефону. Он сказал, что должен закончить важный отчет по исследовательскому проекту. Примерно в 22:00 того же вечера она позвонила ему опять, но телефон не отвечал. Жена покойного немедленно поехала в колледж. Дежурный сообщил ей, что профессор Чжан уехал из Университета несколько часов назад. Потратив на поиски остаток ночи, утром родственники покойного подали заявление об исчезновении. Тело было найдено шесть часов спустя.

Базируясь на поверхностных следах электрических ожогов, частицах металла на коже, состоянии костей и других факторах, причиной смерти был признан электрошок. Время смерти – между 22.00 27 сентября и 2.00 утра следующего дня. Тело было обнаружено не на

месте убийства. Руководство парка подтвердило, что оба выхода из лабиринта не запираются: в дневные часы за ними наблюдают служащие, а по ночам парк закрыт, и отдельной охраны в лабиринте нет. Они подозревают, что преступник доставил труп к ограде парка, перебросил через нее, перелез сам, а затем затащил труп в подземный лабиринт. Поскольку парк продолжал работать, место обнаружения сильно затоптали туристы, и никаких вещественных доказательств найти не удалось. Однако полиция пришла к выводу, что преступник, вероятно, передвигался на машине и мог действовать не один.

По данным медицинской экспертизы, покойный перед смертью подвергся пыткам. Исходя из этого, полиция предположила, что убийство совершено на почве мести, и начала опрашивать близких и друзей покойного. Однако, по их словам, покойный был человеком мягким, добродушным и никогда ни с кем в конфликты не вступал. Коллеги покойного в один голос утверждали, что он очень серьезно относился к своей работе и с головой был погружен в исследования. Он возглавлял в колледже волонтерское объединение и с энтузиазмом брался за любые благотворительные проекты. Исходя из полученных данных, казалось практически невозможным, чтобы его убили ради мести. Один из коллег даже пошутил: «Если кто и ненавидел профессора Чжана, то только потому, что в исследованиях тот всегда добивался успеха и, соответственно, получал новое финансирование».

И как же мог этот чуть ли не идеальный человек стать объектом чьего-то гнева?

Но, хотя показания свидетелей опровергали изначальную гипотезу полиции, Фан Му продолжал стоять на своем: убийство – результат личной вендетты. Во-первых, такие преступления обычно происходят второпях – чем дольше тянет убийца, тем больше шансов, что его поймут. Однако в данном случае покойного похитили и подвергли длительным пыткам. На такой огромный и неоправданный риск преступник мог пойти только из-за острой фрустрации. И она, очевидно, имела прямое отношение к мести. Во-вторых, в качестве средства пытки убийца выбрал электрошок, что было чревато для него значительными неудобствами. Если он просто хотел причинить жертве боль, хватило бы и обычного ножа; зачем тратить время и силы, возясь с электричеством? Фан Му рассматривал возможность того, что жертву пытали с целью добыть информацию. Однако следствие показало, что никакими ценными сведениями покойный не располагал. Скорее всего, повторяющиеся удары тока, крики жертвы, конвульсии и спазмы лицевых мышц, а также запах паленой кожи и плоти в воздухе доставляли убийце наслаждение. И каким-то образом удовлетворяли его потребности.

Но больше всего полицию ставил в тупик вопрос о том, почему преступник выбрал лабиринт, чтобы избавиться от тела.

Большинство убийц идут на ухищрения, чтобы скрыть факт преступления, и стараются избавиться от трупа так, чтобы его подольше не нашли. Однако в данном случае преступник сделал все наоборот – оставил тело посреди парка развлечений. Это можно было расценивать как акт эксгибиционизма, вызов полиции, но тоже достаточно глупый и непродуманный. Если уж преступнику требовалось выставить труп напоказ, он мог оставить его на площади в городе или перед каким-нибудь государственным учреждением. В таком месте находка надедала бы куда больше шума. Во-вторых, избавляясь от трупа, большинство убийц хотят сделать это быстро и незаметно. Но запутанный лабиринт был отнюдь не тем местом, где можно выбросить тело и сразу же скрыться. Значит, убийца использовал лабиринт, чтобы дать выход каким-то своим эмоциям, и хорошо знал его внутреннее устройство.

Полицейские по очереди изучили биографии сотрудников парка и исключили их из числа подозреваемых. Узнав об этом, Фан Му решил еще раз съездить туда; его, казалось, нисколько не удивило, что полиция осталась с пустыми руками.

Парк снова открыли для посещения, и он приносил еще больше денег – то, что в лабиринте нашли труп, придавало этому месту зловещее очарование. Оглядев длинные очереди перед кассами, Фан Му ухмыльнулся и направился к стойке информации.

Заместитель директора парка развлечений приволок гигантскую грудку бумаг и шлепнул их на стойку перед Фан Му. Утерев со лба пот, он сказал:

– Не торопитесь, офицер Фан. Читайте спокойно. Я буду здесь, если понадобится. – Он указал на поток туристов, наперегонки спешащих к зданию лабиринта, и ухмыльнулся: – Служба зовет.

Среди бумаг были чертежи, планы строительства, жалобы и предложения посетителей и несколько фотографий. Фан Му закурил и уселся на диван в небольшом кабинете, куда заместитель директора проводил его перед уходом. Он терпеливо брал снимки по одному и тщательно изучал. Его преследовало подозрение, что в лабиринте содержится ключ к разгадке или что он, по крайней мере, связан с мотивами убийцы. Поэтому Фан Му попросил предоставить все материалы по лабиринту в надежде что-нибудь среди них отыскать.

По проектным данным, общая протяженность туннелей лабиринта составляла 450 метров. Большая его часть находилась под землей. В лабиринте было два входа – на восточной и на западной стороне, но правильный маршрут, каким входом ни воспользуйся, был один. Зал, где обнаружили тело, находился в самом центре и считался срединным пунктом отдыха. Тем, кто добрался туда, предстояло сделать очередной выбор – только избрав правильный путь, они могли найти выход. Это был самый глубокий участок лабиринта.

Из-за запутанности туннелей, там очень легко было потеряться. Добавьте тусклое освещение и давящую атмосферу, и станет ясно, почему лишь немногие туристы проходили лабиринт до конца – большинство сдавались задолго до срединного пункта. Во всех туннелях имелись камеры наблюдения и кнопки вызова, чтобы заблудившиеся посетители, желавшие покинуть лабиринт, могли, нажав кнопку, вызвать служащего парка, который выведет их.

Внимание Фан Му привлекло случайное фото: улыбающийся мальчик держал в одной руке небольшую коробочку, а в другой показывал в камеру знак «V» – победа. Внизу имелась подпись: Тан Чжи, 25 июня 2004 года, первый посетитель, прошедший лабиринт до конца без посторонней помощи.

«Тан Чжи?» – Фан Му нахмурил брови. Раньше он уже видел это имя. Заново перебрал документы, юноша нашел список рекордсменов, прошедших лабиринт быстрее всего, и, конечно, имя Тан Чжи там тоже присутствовало – на первом месте. Он прошел лабиринт за 57 минут, в то время как второму в списке потребовалось полных 2 часа и еще 47 минут, чтобы справиться с той же задачей.

Заместитель директора открыл дверь и поставил перед Фан Му бутылку минеральной воды.

– Еще читаете? – Он наклонился посмотреть на фотографию у Фан Му в руках. – О! Тот мальчик!

– Тут сказано, что он прошел лабиринт быстрее всех.

– Так и есть. – Заместитель директора тяжело опустился на диван. – До сих пор никто не побил его рекорд. Вообще, он интересный парнишка – частенько приходит сюда... Можно сказать, наш постоянный посетитель.

– Серьезно? – Фан Му ненадолго задумался, а потом торопливо открыл фотоальбом, который захлопнул пару секунд назад, и еще раз взгляделся в снимок Тан Чжи. – Говорите, он часто здесь бывает? Он бывал так же часто перед тем, как поставить рекорд? Или вы имеете в виду, уже после этого?

– Уже после. – Заместитель директора усмехнулся. – Думаю, хочет побить собственный рекорд, согласны?

Фан Му продолжал смотреть на фотографию. Потом спросил:

– А эта штука у него в руке – это приз?

– Совершенно верно.

– И какой же?

– Компас.

* * *

Когда Тан Чжи забирал свой приз, в парке записали его паспортные данные, поэтому найти его оказалось легко. На следующий день Фан Му встретился с ним в комнате для совещаний в рекламном агентстве, где тот работал.

Тан Чжи оказался пареньком 23 лет с волосами, выкрашенными в разные цвета радуги. Он вошел в кабинет расслабленной походкой, жуя жвачку; пододвинул себе стул, развернул его и уселся верхом. Сложил руки на спинке и уперся в них подбородком, сохраняя беззаботное выражение на лице.

– В чем дело?

Фан Му его поведение немного удивило, и он решил сразу перейти к делу.

– Меня зовут Фан Му, я из Департамента общественной безопасности. Хотел задать вам пару вопросов. Вот мой значок.

Даже не посмотрев на полицейский значок, который Фан Му ему протягивал, Тан Чжи почесал в затылке и сказал:

– Это из-за того убийства в лабиринте?

Фан Му посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

– Да.

Тан Чжи фыркнул и покачал головой, потом внезапно рассмеялся.

– Думаю, этим вопросом я вызвал у вас подозрения. Правильно?

Фан Му стряхнул пепел с сигареты, не говоря ни слова.

– Я думал, вы спросите что-нибудь вроде «откуда вы знаете?» – Тан Чжи скорчил гримасу. Когда и она не вызвала у Фан Му никакой реакции, он перестал хихикать и сделал сучающее лицо. – Ну, задавайте свои вопросы.

Фан Му затушил сигарету в пепельнице.

– Вы часто бываете в лабиринте в парке Ваньян?

– Ага. Я установил рекорд – прошел его быстрее всех.

– Вы бывали там с тех пор, как рекорд был зафиксирован?

– Ага.

– Но, если вы уже поставили рекорд, зачем продолжать?

– Я самосовершенствуюсь. – Тан Чжи зевнул. – Хочу проверить, смогу ли пройти его еще быстрее.

– Ну и?..

– Что? – Тан Чжи не сразу понял вопрос. – Нет, свой рекорд я еще не побил.

– На сколько отстаете?

– Ненамного.

Мгновение Фан Му вглядывался в его лицо.

– Где вы были после девяти вечера двадцать седьмого сентября?

Тан Чжи, низко опустив голову, ответил, не отрывая глаз от стола:

– Кажется... Кажется, был в интернет-кафе. Играл. Да, точно, играл в интернет-кафе «Лаки», рядом с моим домом.

– Во что играли?

– В «Каунтер-страйк».

– Разве нельзя играть онлайн у себя дома?

– Можно.

– Тогда почему вы пошли в интернет-кафе?

– В кафе играть веселее. И интернет у них быстрее.

– Во сколько вы ушли?

– Кажется, около трех утра. Точно не помню.

– Вы ходили туда один?

– Ага.

– Кто-нибудь может подтвердить, что вы там были?

Тан Чжи поднял наконец голову и закатил глаза.

– Нет.

Увидев, что Фан Му пристально смотрит на него, он раздраженно вздохнул.

– Ну я же не знал, что вы придете и станете спрашивать! И что понадобятся свидетели, чтобы подтвердить, где я был и что делал.

Фан Му, усмехнувшись, встал.

– Ладно, на сегодня всё. Но если у меня будут еще вопросы, я снова приду.

– Да ради бога.

Тан Чжи поднялся, сунул руки в карманы и вышел из кабинета, продолжая пережевывать жвачку.

* * *

Фан Му был уверен, что Тан Чжи подготовился к визиту полиции. Легкомысленность во время разговора, намеренное избегание визуального контакта, жевание жвачки – все это было приемами, с помощью которых он пытался помешать Фан Му прочесть его мысли по выражению лица.

Однако следственные действия, предпринятые департаментом, принесли Фан Му большое разочарование – Тан Чжи действительно играл в тот вечер в интернет-кафе, и служащий оттуда хорошо его запомнил. Забронировав себе компьютер у стойки, Тан Чжи попросил служащего принести ему бутылку воды. Тот принес воду «Вахаа», но Тан Чжи заявил, что хотел другую, «Нон-фу». Служащий вернулся с бутылкой «Нон-фу», однако Тан Чжи пожаловался, что она недостаточно холодная. В три часа утра, когда тот подошел к стойке, чтобы заплатить, то снова поругался со служащим из-за одной позиции в чеке.

Иными словами, Тан Чжи никак не мог находиться на месте преступления, когда оно совершалось.

* * *

– Значит, подозрения с него сняты? – Бьян Пинь подул на чайные листья, отгоняя их от края чашки, и сделал щедрый глоток.

– На мой взгляд, нет. – Фан Му покачал головой. – Он определенно в чем-то мне солгал.

Вряд ли Тан Чжи так часто ходил в лабиринт, чтобы побить собственный рекорд, иначе он вел бы записи и фиксировал время. Какую потребность может удовлетворять человек, бродя один по мрачным пыльным подземным коридорам?

– Допустим на минуту, что он действовал не один. – Бьян Пинь прикурил сигарету. – И ходил в лабиринт снова и снова, чтобы составить карту.

Фан Му растянулся на диване и зевнул.

– Я уже дал департаменту добро на проверку всех, с кем Тан Чжи контактировал в последнее время.

– Вид у тебя усталый. Может, уйдешь домой пораньше и отоспишься?

Фан Му рассмеялся, с трудом поднялся на ноги и ухватил сигарету из пачки Бьян Пиня, «Чангуа».

– Ладно. Значит, я пошел.

– Иди-иди.

В этот момент на столе зазвонил телефон. Бьян Пинь помахал рукой Фан Му и взял трубку.

Юноша кивнул и уже собрался уходить, но, когда он стоял на пороге, Бьян Пинь окликнул его. Фан Му быстро развернулся:

– Что случилось?

Выражение лица начальника потрясло его. Мгновение назад оно было спокойным и расслабленным, сейчас же его брови сдвинулись в одну суровую линию.

Он повесил трубку и как будто задумался над чем-то. Спустя мгновение поглядел на Фан Му и ровным голосом произнес:

– Люо Цзяхай сбежал из-под стражи.

Глава 9

Побег

Народный суд города Чанхон, лестничная площадка второго этажа.

Чжан Десянь прислонился к перилам лестницы, с непроницаемым лицом слушая судью, который обращался к нему. Судья придерживался холодного профессионального тона, но фразы, слетавшие с его уст, звучали тревожно. В их числе была и «смертная казнь».

Разговор закончился быстро; судья ушел. Чжан Десянь застыл на лестнице, словно статуя, туго уставившись в стену перед собой. Спустя некоторое время статуя ожила, развернулась и побежала вниз по ступеням.

Через полчаса черная «Ауди» Чжан Десяня въехала на парковку следственного изолятора № 1.

Сотрудники изолятора хорошо знали адвоката и, дав ему заполнить несколько простых форм, провели его в комнату для свиданий. Чжан Десянь положил на стол свой портфель и уставился в угол комнаты, погруженный в раздумья. Несколько минут спустя охранник ввел Люо Цзяхая.

Тот выглядел измученным. На бритой голове отросла короткая щетина, придававшая ему обидное сходство с усыхающим кактусом.

Усадив заключенного на стул напротив Чжан Десяня, охранник встал в преувеличенно грозную позу у него за спиной, широко раздвинув ноги и крепко упираясь в пол обеими ступнями, а руки сложив на груди. Чжан Десянь кинул взгляд на натужно-угрожающее выражение его лица, на прапорщицкие погоны и непроизвольно улыбнулся. Затем развернулся к подзащитному. Тот встретил его взгляд и попытался изобразить ухмылку.

– Есть новости? – Люо Цзяхай спрашивал с деланным равнодушием, но голос его предательски дрогнул.

– Вердикт еще не объявили, но... – Чжан Десянь сделал глубокий вдох. – Я получил информацию от своего источника в суде, и она... обескураживающая.

– Обескураживающая? Что это значит?

Чжан Десянь опустил глаза и ничего не ответил.

Люо Цзяхай отвернулся и пустыми глазами уставился в белую стену. Спустя несколько секунд он спросил:

– Это будет отсроченный смертный приговор или немедленная казнь?

– Немедленная казнь.

Люо Цзяхай мрачно расхохотался и покачал головой.

– Ничего удивительного. Ничего удивительного...

– Мы можем подать апелляцию.

Люо Цзяхай, продолжая смеяться, перевел взгляд на свои наручники.

– Да бросьте вы! Ничего не выйдет. Пусть уж лучше так. Ждать смерти несколько лет...

Нет, я не выдержу. Но у меня есть просьба... – Он поднял голову и посмотрел в глаза Чжан Десяня. – Вы можете проследить, чтобы мой прах похоронили рядом с Шен Сянь?

Чжан Десянь ответил не сразу. Он поглядел Люо Цзяхаю в лицо, и брови его медленно сошлись у переносицы, а в глазах появилось решительное выражение.

– Ну ладно. Похоже, у нас не остается другого выбора.

Чжан Десянь вытащил из портфеля пачку сигарет, а другой рукой покопался у себя в кармане. Мгновение спустя он рассеянно повернулся к охраннику:

– Приятель, окажи услугу, принеси мне зажигалку, хорошо? Капитан Тянь ведь на месте, да? Лысый Тянь, я имею в виду. Скажи, это для адвоката Чжан.

Молодой прапорщик заколебался, но Чжан Десянь сослался на его прямого начальника, да еще и упомянул его кличку, так что отказать было невозможно. Еще секунду постояв неподвижно, охранник развернулся и вышел из комнаты, подволакивая ноги, затекшие от долгого стояния в неудобной позе.

Как только дверь за ним закрылась, Чжан Десянь вскочил со стула и достал из портфеля конверт. Выхватив оттуда две фотографии с печатями, бросил их на стол перед Люо Цзяхаем.

Недоумевая, тот автоматически наклонился и посмотрел на снимки. А едва увидев, что там, побелел как полотно.

– Вы... Откуда вы?..

– Ничего не говори, – перебил его Чжан Десянь; в налитых кровью глазах адвоката под очками в тонкой золотистой оправе Люо Цзяхаю почудилась угроза. – С этого момента будешь делать то, что я скажу.

* * *

Шагая по коридору и вертя в пальцах зажигалку, молодой охранник представил себе лысую голову капитана и, не сдержавшись, расхохотался. Однако стоило ему свернуть за угол, и улыбка застыла у него на лице.

Перед дверью в комнату свиданий стоял Люо Цзяхай. Цепь его наручников обвивала шею Чжан Десяня. Правой рукой он прижимал острый конец металлической перьевой ручки к тому месту на горле адвоката, где проходит сонная артерия.

– Назад! – прошипел Люо Цзяхай сквозь стиснутые зубы.

– Не надо... Прошу, только не торопитесь! – Очки Чжан Десяня грозили вот-вот упасть с кончика носа; его ноги бессильно свисали вниз, а верхняя часть туловища застыла в крепкой хватке Люо Цзяхая.

Молодой охранник потянул из-за ремня дубинку и одновременно изо всех сил дунул в свисток. Мгновение спустя в коридор влетели с десятков полицейских. Увидев, что там происходит, они запаниковали и начали наперебой что-то кричать.

И тут по коридору эхом разнесся голос Люо Цзяхая:

– Всем отойти, или я его убью!

– Не надо... Пожалуйста, ничего не предпринимайте! – Чжан Десянь слабо замахал руками. – Прошу, слушайте его!

При этих словах несколько охранников, уже готовых напасть, отступили. Люо Цзяхай поволок Чжан Десяня вперед, мимо полицейских, рвущихся в бой, но вынужденных стоять смирно. Очень скоро они оказались на улице.

Там Люо Цзяхай развернулся так, чтобы тело Чжан Десяня прикрывало его, и спиной вперед двинулся в сторону парковки. Вооруженный полицейский на сторожевой вышке нацелил на него пулемет и затараторил в рацию:

– Все плохо, очень плохо! Он полностью прикрыт заложником; я не могу открыть огонь.

Люо Цзяхай подтащил Чжан Десяня к его черной «Ауди», но выезд с парковки уже перегородили несколько полицейских машин.

– Уберите машины с дороги!

– Люо Цзяхай, немедленно сдавайтесь, или мы...

– Уберите их! – Люо Цзяхай надавил на перо, и оно глубоко впилося Чжан Десяню в кожу. Тот издал приглушенный крик, и по его шее побежала струйка крови.

Капитан Тянь скрипнул зубами.

– Отгоните машины от выезда!

Люо Цзяхай и Чжан Десянь уже были возле «Ауди». Люо Цзяхай закричал:

– Открой двери!

Трясушимися руками Чжан Десянь вытащил брелок и нажал на кнопку. Люо Цзяхай пригнул ему голову и затолкал на водительское сиденье.

В следующую секунду черная «Ауди» вырвалась из главных ворот следственного изолятора; за ней мчались несколько патрульных машин с ревущими сиренами.

* * *

Чжан Десянь сжимал руль обеими руками. Внезапно он снова стал уверенным и собранным, а от былой беспомощности не осталось и следа. Автомобиль нырял в транспортном потоке туда-сюда, словно акула. Полицейские не отставали, но не могли сократить дистанцию между собой и «Ауди».

Время от времени Чжан Десянь бросал короткий взгляд в зеркало заднего вида. Когда ему понадобилось повернуть голову, он ощутил укол в боковую сторону шеи – Люо Цзяхай, весь в поту, смотрящий в одну точку, так и не убрал перо и продолжал играть все ту же роль.

Чжан Десянь окликнул его:

– Эй, парень, расслабься немного!

– О, простите! – Слово очнувшись ото сна, Люо Цзяхай потряс головой и быстро отодвинул перо от сонной артерии на шее Чжан Десяня. Тот охнул от боли, на воротник его рубашки стекла капелька крови. Увидев это, Люо Цзяхай запаниковал и начал озираться по сторонам в поисках чего-нибудь, чтобы промокнуть ее.

Глядя на дорогу, Чжан Десянь сделал знак рукой:

– Да не волнуйся ты так! Открой вон то отделение.

В маленьком отделении приборной панели лежали мобильный телефон и ключ. Чжан Десянь схватил телефон, включил его и дернул подбородком в сторону ключа:

– Расстегни наручники.

Сам он тем временем набирал на телефоне чей-то номер.

Трубку взяли практически сразу; кто-то явно ждал звонка от Чжан Десяня. Отбросив вежливость, тот перешел непосредственно к делу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.